ХЕЛЬГА ГРАФФ

МЕМУАРЫ МОЙШИ

Эмигрантская трилогия

Хельга Графф

Мемуары Мойши

«Автор»
2015

Графф Х.

Мемуары Мойши / Х. Графф — «Автор», 2015 — (Эмигрантская трилогия)

Вместе с главными героями Вы можете с радостью эмигрировать из России в Германию в погоне за достойной жизнью, искать своё «место под солнцем», подыскивая занятие по вкусу, вследствие чего окажетесь в различных комических и трагических ситуациях. Сможете прочувствовать все «прелести» иммигрантской жизни. Но… не торопитесь, ведь не зря говорят: «Хорошо там, где нас нет»!

© Графф Х., 2015
© Автор, 2015

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 20
Глава 4 26
Глава 5 33
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Хельга Графф
Мемуары Мойши

Моему дорогому мужу

Евреи, я не знаю о чём Вы говорите,
но ехать надо!
еврейский анекдот

Глава 1

Все люди – евреи, только одни признались в этом, а другие еще нет, и это небезосновательно, потому что раньше иметь принадлежность к еврейской тусовке было невыгодно и даже слегка опасно, зато сейчас очень модно и почетно. Многие из нас, простых смертных и небожителей, пытаются найти среди ветвей генеалогического древа одну заветную под названием «иудей». Не у всех получается, а если бы всем это удавалось, то несомненное большинство соотечественников, как стаи перелетных птиц, потянулись бы в страны по имени «Халява»! Активные поиски еврейских корней ведутся особенно бодро, когда страна, то бишь родина, переживает какие-либо трудности. В дело идет всё и вся. Еврейский дедушка троюродной бабушки? Годится! Иудейский муж третьей супруги прадедушки? Пойдет! А те, кто с гордостью может сказать, что папа и…это уже вообще неземное счастье – мама – были евреями, на несколько голов стоят выше других соискателей награды «еврейская кровь»! Да, называться евреем – значит быть умным, талантливым и богатым. Так думают многие, и отчасти они правы…вот только не во всем. Но так или иначе в очереди ко Всевышнему за достоинствами евреи точно стояли первыми.

Сначала Господь раздал им богатство, но, к сожалению, на всех не хватило! Те, кому не достались деньги, получили мозги – совсем не лишний подарок, и с их помощью можно было добыть богатство, которое без усилий досталось стоящим впереди. Те же, кому не хватило ни того, ни другого, получили смычки, шахматы и портняжьи иголки, что даже лучше, чем всё остальное! Когда же одного еврея, награжденного Господом швейной иглой, спросили:

– А что бы ты делал, если бы был царем?

Он, не задумываясь, ответил:

– Если бы я был царем, еще рублей на сто шил бы!

Деньги имеют свойство заканчиваться, а игла, ладья и смычок – это навечно и навсегда! Осчастливив жаждущих очередников такими подарками, Господь призадумался и понял, что имея одни лишь достоинства, евреи могут совсем загордиться, поэтому в нагрузку добавил еще и не слишком гламурные свойства характера: скупость, мелочность и коварство!

Из всех даров Всевышнего моему бедному мужу Леве досталась лишь национальность «иудей», а в нагрузку я. Будучи ленивым «перцем», очередь свою он прошляпил и потому богатство, как и деньги, добыть ему не удалось, кстати, разобрали и орудия производства. Поскольку основных стимулов жизни, заключенных в этих достоинствах, не имелось, то скупости и коварству здесь делать было нечего. А ввиду того, что в нагрузку он получил меня, то изредка его посещала только мелочность, да и то по пустякам!

Вот уж мне, действительно, удалось оторвать от жизни свой приличный кусок счастья! Выйти замуж за еврея – всё равно что выиграть лотерейный билет: хочу еду в Израиль, а хочу – в Америку! Нам, татарам, не очень повезло, хоть мы и стояли в очереди прямо за евреями,

но эти оглоеды разобрали всё, а потом кое-что нам продали, например, обрезание, хотели еще загнать шабад, но мы гордо отказались, выбрав для себя альтернативную пятницу! Правда, дружить с евреями и выходить за них замуж не перестали…к счастью, наверное! Всю жизнь мечтала о муже-еврее и жить в Германии, и представьте себе, и то, и другое исполнилось. Муж-еврей богачем не оказался, да и жизнь в Германии была не сахар, но… приятно же, когда мечты иногда сбываются… и не только у «Газпрома».

Будучи школьницей, третьеклассницей, я, как агент разведки, придумала себе легенду, что родилась в Германии, почему именно в Германии, не знаю, наверное потому, что мы с ней воевали, там служил мой дед и больше никаких других стран на тот момент я просто не знала. В эту легенду и сама еще долго и искренне верила, как многие странные люди, типа двуликого президента Незалежной, которые сначала нафантазируют себе какую-нибудь чушь, а потом сами же принимают ее за правду! В школе меня прозвали «немчуреныш», что было созвучно слову «гаденыш», но может, в те далекие годы в этом и выражался патриотизм одноклассников?! Теперь вот, по прошествии тридцати лет, живу в стране своей мечты и возвращаться пока не собираюсь. Иногда для родины больше пользы, когда ее любят издалека, а не издеваются над ней, в ней же проживая!

Когда открылась еврейская эмиграция, очень многие, имеющие даже половинку иудейской крови, бодро рванули за рубеж. А те несчастные, кто заблаговременно в Союзе поменял свои имена на русские, остались на родине, не имея порой возможности доказать, что они не Ивановы Сидоры Петровичи, а Рабиновичи Абрамы Соломоновичи. Думали, бедные, что социализм навсегда и «параграф пятый» будет вечным препятствием к приличной и свободной жизни, вот и выбрали для себя наивыгоднейший в те времена вариант, а социализм, увы, накрылся медным тазом, оставив несчастных Ивановых иудейского розлива с носом! Вот это и называется в народе «еврейским счастьем»!

О евреях ходит множество различных мифов, которые люди другой национальности принимают за чистую монету. Ну, например, что все евреи богатые. Нет, представьте себе, встречаются и трудолюбивые! Среди дам блуждает еще одно заблуждение, что еврейские мужчины хорошие семьянины. Отличные, если только бедные и имеют супругу своей же национальности. Эти женщины обладают безапелляционным и твердым характером и крепко держат мужей в своем намертво сжатом кулаке. Не зря же национальность у евреев определяется по матери. Положение мужа в еврейской семье отлично характеризует следующий анекдот. «Прибегает радостный сын к матери.

– Мама, мама, мне дали роль еврейского мужа в школьном спектакле!

Мать расстроенно:

– Ну что ж ты, сынок, не мог попросить роль со словами?!»

Хоть и нелегко живется еврейским мужьям в иудейской семейной ячейке, расставаться со своей второй половиной никто из них и не думает! Что же касается мужей богатых, им обычно не хочется делить свое богатство ни с кем, но иногда приходится, особенно если жена из другого национального лагеря. Смельчаки такие находятся, а потом всю жизнь кусают себе локти, сожалея о содеянном. Чтобы добровольно подарить супруге энное количество миллионов? Да лучше удавиться! Тут, правда, речь не только о еврейцах, но и всех состоятельных мужчинах. А бедные евреи – экземпляры штучные и столь же редкие, как роловейская мартышка, однако они и самые верные, потому что никому, кроме своих жен, не нужны!

А еще говорят, что Октябрьскую революцию 1917 года сделали евреи. И не только 1917 года, но и 2014 года в Украине, и к мифу это уже не имеет ни малейшего отношения! Что во всем виноваты евреи, сомневаюсь, а слоган «если в кране нет воды, значит выпили жиды» и вовсе попахивает завистливым поклепом! Небольшая доля правды в нем имеется, потому что иудеи действительно делятся на два разных лагеря. Есть евреи, в лучшем смысле этого

слова, а есть просто жиды – в худшем смысле их восприятия. Хотя, опять же, ничего обидного в этом названии нет, так как «жид» во многих славянских языках переводится как… «еврей», но только в нашем, великом и могучем, несет негативную смысловую нагрузку! Кстати, самые ярые антисемисты – это… сами евреи! Спроси любого иудея, почему он не поехал в Израиль, и получишь стандартный ответ: «Не хочу, нас там слишком много!»

Сегодня еврейство переживает какой-то странный кризис. На смену евреям-героям, спасшим мир от фашизма, приходят другие – евреи-перерожденцы, его пропагандирующие. Сегодня жиды, а иначе их и не назовешь, в угоду своим амбициям, ради обладания властью и капиталами, готовы шагать по трупам, совсем позабыв уроки страшной истории замученного еврейского народа в годы Второй мировой войны! Причем, я не говорю лишь об Украине, где каждый второй (если не первый!) член иудейско-хохляцкой кровавой правительственной клики, захватившей власть, имеет еврейскую кровь, но и о наших псевдоевреях, предков которых всего лишь семьдесят лет назад на корню уничтожали нацисты, сжигая миллионами в газовых камерах и печах, расстреливая и развешивая, как фонари, на виселицах!

Сегодня эти отщепенцы лихо скачут в оголтелых рядах националистов, виртуозно исполняя популярный ныне украинский народный танец «Кто не скачет, тот москаль», и с гордостью и энтузиазмом таскают в руках обагренный кровью ни в чем не повинных жителей Донбасса украинский флаг. Пытаются они устроить хаос и беспредел здесь, у себя на родине, в России, действуя с оглядкой на США. Почему так происходит? Да потому что рвутся господа к кормушке, и в этом вся их оппозиционная идеология!

А какие евреи были раньше, боже ж ты мой! Цвет нашей науки и искусства. Уже то, что одну из лучших российских песен «Русское поле» написали два еврея Инна Гофф и Ян Френкель, говорит о многом! Сколько же великих евреев принесли славу и величие своей стране! Это лучшие сыны и дочери своей русской родины: Аркадий Райкин и Элина Быстрицкая, Иосиф Хейфиц и Ян Фрид, Иосиф Бродский и Борис Пастернак, Исаак Дунаевский и Леонид Утесов, Лев Ландау и Виталий Гинзбург, Михаил Ботвинник и Василий Смыслов и многие, многие другие, лучшие из лучших, вложившие колоссальный вклад в нашу науку, культуру и спорт. Гордость страны! А есть жиды, имена которых никогда не войдут в славную историю России, а если и войдут, то только с черной меткой!

У евреев существует такой анекдот. «Мы, евреи, не болеем СПИДом, почему? Потому что нас никто не любит!» Это верно, не любят! С одной стороны завидуют, как правило, кучке нечистоплотных богатейших иудейских дельцов, а уж потом эта зависть, приправленная лютой ненавистью, как раковая опухоль, перекидывается и на весь многострадальный еврейский народ. С другой стороны, не выпендривайтесь, если хотите, чтобы вас любили, а заодно и поменяйте имена! Миллиардер, владеющий футбольным клубом? Да вы что, какой еще Абрамович? Роман Сидоров. Почетный клиент аукциона «Сотбис» не какой-то там Гусинский, а просто Миша Иванов, ну и так далее, по списку «Форбс». Не вызывает же ни у кого раздражения и зависти известный и очень талантливый журналист и телеведущий со звонкой птичьей фамилией. Наоборот, все его уважают и считают своим, то бишь русским, даже и не вспоминая о его еврейском происхождении, а если и завидуют, то только его мужскому потенциалу! Вот и не было бы никакого стойкого раздражения и ненависти к евреям, если бы соблюдались эти маленькие правила, а в целом, элементарная порядочность. А вообще, если бы не мизерная кучка коварных иудейских авантюристов, портящих имидж целой нации, то простым евреям жилось бы намного спокойнее!

А еще существует легенда, что иудеи очень жадные. Фигня, просто экономные. Слишком уж тяжело им досталось сорокалетнее блуждание по пустыне с Моисеем в поисках родины. Попробуй, проживи на одной манне небесной, а посему надо войти в их положе-

ние и понять, нечего зазря обвинять целый народ! Родину евреи любят, но чаще издалека, наверное, от обиды на тех, кто их так ненавидит!

Не понимаю, почему принято считать, что эмигрируют иудеи с невыносимыми страданиями, орошая родную землю горючими слезами? Раньше – может быть. Ведь многих из них, особенно диссидентов, лишали гражданства и не пускали в страну, но родина сделала для них благое дело! Никогда в своей стране не обрели бы они такой известности, славы, состоятельности и наград, как за границей! Здесь бы так и остались простыми пенсионерами со скромными пенсиями и жильем, а там стали миллионерами, лауреатами престижных премий и всемирно известными людьми. Да родине за это надо в ножки поклониться, а не поливать ее день и ночь. Неблагодарный все-таки у нас народ!

Сегодня, уезжая за рубеж, евреи не обливаются слезами, а мчатся с радостью и надеждой на спокойную жизнь и достойную старость. Для большинства она, действительно, благополучная и умиротворенная, для многих, но не для меня. Эмиграция напоила меня досыта, но, к счастью, не до смерти, и при всем при этом, на этой чужой земле я все же нашла второй дом. Сейчас у нас не отбирают гражданство и мы с гордостью носим в кармане краснокожий паспорт Российской Федерации. От родины не оторваны, и она всегда в нашей душе и в сердце, хоть и любим мы ее издалека.

Об эмиграции я никогда не задумывалась, имея косвенное отношение к иудейству, обладая лишь еврейской фамилией, отчеством и мужем-иудеем. Правда, меня тоже часто принимают за женщину еврейского происхождения, наверное потому, что, как гласит русская поговорка, с кем поведешься, от того и наберешься. Двадцать с хвостиком лет не прошли даром, и хоть я частично русская и мусульманка, теперь уже несомненно имею еврейский оттенок!

Возможно, мы и остались бы на родине, но не всё было тогда в порядке в государстве Российском. Наш с Левой союз родился в страшные годы горбачевской перестройки, а вернее, бандитского передела. Обо всем пережитом и вспоминать не хочется, но нужно, чтобы вы поняли мотивы расставания с Родиной, к счастью, не навсегда…

В те далекие годы нахлебались мы досыта. Это я зацепила кусочек беспредела, а Левушке – чистокровному еврею, родившемуся еще до Второй мировой войны, – досталось по полной! Он прошел в своей жизни всё, только революции не коснулся, а вот войну, блокаду, тюрьму и суму обойти никак не удалось.

Жизнь Левушки получилась насыщенной. И если по профессии он был инженером и начал свой трудовой путь на заводе мастером, а закончил специалистом, контролирующим боеголовки ракет на атомных подводных лодках, то по состоянию души являлся творческим интеллигентом. Не знаю, как складывались отношения с пресловутым «пятым параграфом» у других евреев, но Леву он особо не обижал, и никакого ущемления прав на своей шкуре мой муж не почувствовал. Кстати, Левка прекрасно, профессионально танцевал и был одним единственным евреем в хореографическом ансамбле, исполняющим русские народные танцы! С началом перестройки, даже чуть раньше, с головой ушел в бизнес, вернее, в искусство. Снимал документальные фильмы, издавал книги, содержал балетные и цирковые коллективы, владел частной художественной галереей и различными творческими и прикладными мастерскими. Семь лет проработал в Великобритании и даже имел переписку с королевой Елизаветой Второй! Всё шло у него путем.

В момент процветания на Левкином вдовцовом пути повстречалась я, девушка разведенная, безмужняя, но с ребенком на руках и родителями за спиной. Попала в его офис совершенно случайно – привели подружки, вернее, мы пришли с просьбой оказать спонсорскую помощь. Спонсорская помощь обернулась неожиданным замужеством. Женихов в перестроечные годы разбросало в разные стороны. Кто с головой ушел в криминал, кто в бизнес, но задачу они все выполняли одну: добыть денег и хоть как-то приноровиться к

новой страшной жизни, имеющей жуткий оскал дикого капитализма. Им было не до невест. Шансов встретить принца на белом коне не имелось никаких, хотя проблема эта отнюдь не перестроечных времен, а наверное, с момента сотворения мироздания, в общем, вечная и бесконечная!

Встреча с состоятельным джентльменом, правда, намного старше, но обладающим тремя достоинствами: не пьет, не курит и еврей, считается во все времена большой удачей. Привередничать и воротить нос от такого жениха даже самой дебильной дуре в голову бы не пришло. Дурой я никогда не была, шанс свой не упустила и вцепилась в потенциального жениха зубами, так в зубах и дотащила до загса. А он и не упирался, был счастлив, что поймал Жар-птицу, правда, с несколько обломанными крыльями.

Если мне повезло, то Левка сделал явно не тот выбор, потому что после моего появления всё постепенно пошло наперекосяк. Ну есть такие люди, которые всегда и всем приносят одни лишь неприятности. К такой категории могу отнести, увы, и себя. Жизнь постепенно превращалась в нескончаемый кошмар! Заниматься каким-либо бизнесом стало крайне проблематично. Постоянно приходилось оглядываться, потому как на горизонте теперь регулярно маячили разные бандитские и мошеннические группировки, желающие отправить тебя в дальнее путешествие по дороге жизни буквально голым, и это еще если очень повезет; нечистоплотные чиновники всех рангов, за определенную мзду разрушающие любой бизнес, и всякий разномастный сброд, коего хватает и в наше время. Случались такие ситуации, когда тебя буквально загоняли в долги и ты вынужден был отбиваться от бандитов на всяких там стрелках и разборках или скрываться от них, как законспирированный агент разведслужб на нелегальном положении. Однако и нам должны были деньги, которые давно махнули на прощанье рукой. В общем, жизнь включала в себя целый спектр малоприятных мероприятий типа ограблений, нападений, похищений. До убийства, к счастью, дело не дошло, ценностей особых не было!

Учителя, рабочие, повары (как один наш бывший приятель) становились главарями бандитских группировок, создавая свои собственные команды. А что поделаешь, все сразу хотели стать богатыми и жить припеваючи на всю катушку. В те времена в России правил полный беспредел! Наряду с бандитами неофициальными, существовали и официальные, впрочем, как и сейчас, в лице продажных чиновников, которые в те годы не гнушались ничем. Брали мзду из любых грязных рук не только деньгами, но и дефицитными продуктами, делая потихоньку свое черное дело. Такая ситуация складывалась, наверное, во всех районах города Санкт-Петербурга, но убедились мы в этом на собственной шкуре.

Центральным районом, где мы жили тогда и были зарегистрированы фирмы, управлял в те неспокойные годы господин Антонов. Не знаю, каким он был руководителем, но о некоторых его подчиненных ничего хорошего сказать не могу. По-настоящему коррумпированные члены городской администрации. Центральный район обладал лакомым куском в лице исторического центра города Санкт-Петербурга, поэтому вопрос отжать у кого-нибудь недвижимость или фирму решался очень просто и кардинально с помощью некоторых подкупленных чиновников городской администрации и взяток, которые они за это получали.

Особым рвением на этом «фронте» отличался ныне покойный господин Морозов, неоднократно обвиняемый моим мужем в коррупции. Храбрый Левка заявлял это чиновнику прямо в морду. Тот, естественно, всеми силами пытался заткнуть правде, в лице Левы, рот. И вот как-то на горизонте появились бизнесмены-бандиты, пытавшиеся отобрать принадлежащие нам фирмы и недвижимость, короче, с помощью поддельных документов осуществить рейдерский захват. Кстати, в этой нелицеприятной истории активно участвовала и продажная сотрудница городского фонда культуры, которая за мзду ввязалась в это бандитское дело. Планировалось даже наше похищение. Как сейчас помню, в отделе регистрации фирм Центрального района работала немолодая крашеная блондинка по фамилии Токарева,

вернее, она была заведующей. На наше обращение, когда мы пришли со своим настоящим паспортом и сообщили ей, что на документах поддельная подпись, продемонстрировав подлинную, она, равнодушно взглянув на нас, сказала:

– Меня это не интересует, дело уже сделано!

А повстречавшийся по пути господин Морозов, радостно потирая ручонки, объявил:

– Всё, нет больше вашей фирмы!

Только зря, бедный, радовался. Не говори гоп, пока не перепрыгнул! Столкнувшись с настоящим произволом, пришлось обратиться в РУБОП. Была раньше такая эффективная организация по борьбе с организованной преступностью. Финал этой мутной истории стал неожиданным. После первого же допроса у следователей данной структуры господин Морозов, до смерти испугавшись, что его наконец-то взяли за нечистую жопу, пришел домой и… умер! Коррупционер скончался, дело с помощью главы администрации замяли, а мы и по сей день живем и не тужим. Не знаю, изменилось ли что-нибудь в лучшую сторону в Центральном районе за прошедшие годы. Хочется верить, что да, но власть ведь в нашей стране нередко передается по наследству, а вороватые гены уже ничем не перешибешь!

Барахтаясь с мужем во всем этом дерьме, об эмиграции мы даже не задумывались, хотя Левка был евреем и имел отличную родословную и возможность умчаться куда подальше. К тому времени всё еврейское большинство уже навострило «лыжи» в Америку и Израиль, а мы всё карабкались и карабкались, пытаясь наладить с родиной дружеские отношения.

Однажды вечером Лева пришел домой радостный и возбужденный. На мой наивный вопрос, что же такого обнадеживающего произошло в нашей беспросветной жизни, выдал невероятную, нет, даже ошеломляющую, информацию:

– Уезжаем…в Германию, – и сделав минутную театральную паузу, закончил свою мысль, – навсегда!

– Ну что, я бегу собирать чемодан? – раздался хорошо знакомый голос одной из моих душевных половинок.

Я по знаку зодиака «Близнецы», а посему во мне уживаются две личности, совершенно непохожие друг на друга душевные половинки, которые на протяжении всего моего существования никак не могут между собой разобраться! Если одна говорит «да», то другая обязательно «нет», но обе очень любят постоянно меня поучать. Вот так всю жизнь и мечусь между ними, не в силах принять для себя правильное решение!

– Я могу и твой баул упаковать, мне не трудно! – предложила она свои услуги.

– Ты куда собралась-то? – грозно спросила ее вечная противница и получила пространный ответ:

– Короче, туда… уезжаем с Олькой куда-то за кордон, а ты, если не хочешь, можешь остаться тут!

– Да…..предателями не рождаются, предателями становятся! – разъярилась оппозиционная нам сторона. – А здесь вам чем не угодили?! Если этот еврейский хрен Лева собирается ехать, то скатертью дорожка, а вы и думать не смейте, две продажные прошмандовки! Это всё от того, что вы не знаете, с чего начинается родина!

Но моя будущая компаньонка по предполагаемому путешествию отбила яростную атаку.

– Можно подумать, ты знаешь! Картинки в букваре, между прочим, мы давно прошли, хороших и верных товарищей, живущих в соседнем дворе, не осталось, все до единого – враги! Только и знают, что занимать деньги и не отдавать, да еще при этом как-то тебе насолить. Материнскую песню помним, а березок, что во поле растут, и там хватает!

– Жаль, что этого не слышит Олькин геройский дед-партизан! – обратилась ко мне патриотка.

– Не партизан, а офицер! – поправила я ее.

– Не важно! Звания в данном случае не играют никакой роли, – огрызнулась она, – вот если бы услышал, куда ты собираешься бежать, точно дал бы вам всем хорошенько по шее!

На защиту вновь встала моя подружка.

– Война давно закончилась, а сейчас мир! Они, между прочим, приглашают нас, чтобы загладить свою вину. Ты знаешь, сколько евреев было в Германии до войны? Около шестисот тысяч! А вернулось пока всего-то тысяч шестьдесят! Вот поэтому мы с Олькой и едем….чтобы отомстить!

«И что тут общего между приглашением и местью», – не поняла я.

– И как же вы собираетесь мстить? Эшелоны взрывать будете, партизанки хреновы?!

– Нет, ничего мы взрывать не будем. Отомстим экономически: будем Германию… объедать!

– Ну уж это слишком сильная месть! – возмутилась я. – А Левка хочет ехать, чтобы просто спокойно жить!

– Нет, – передумала ярая противница эмиграции, – пожалуй, и я с вами. Очень хочу посмотреть, как вам это удастся!

Она оказалась провидицей, поскольку ее сомнения в спокойной жизни за рубежом оказались отнюдь ненапрасными.

Сказать, что Лев ошарашил меня своим решением, значит не сказать ничего: я просто застыла в ступоре и вдруг поняла…что ничего радостного в его предложении для меня нет! Мне не хотелось уезжать в такую желанную с детства, но совершенно чужую страну с абсолютно чуждыми мне менталитетом, укладом жизни и другим языком! А как же родители, как они останутся тут без меня?! И без того нерадужное настроение, в отличие от Лёвкиного, испортилось окончательно. Муж нашел самое действенное и радикальное решение, чтобы покончить со всей этой дерьмовой жизнью здесь, просто эмигрировав за границу. Не в силах скрыть раздражения, сквозь зубы спросила:

– Кто это тебя надоумил и почему Германия?

О возможности эмигрировать в эту печально известную страну даже не подозревала. На слуху все время были лишь Америка и Израиль. Левка воодушевленно начал свой рассказ:

– Зашел сегодня к Аннушке с Леней…

Аня и Леня были нашими многолетними друзьями.

– …и представляешь, они собираются уезжать в Германию! Оказывается, года как три туда существует еврейская эмиграция. Анечка сказала, что нужно взять в консульстве ФРГ анкеты, заполнить и вместе с другими нужными документами представить на рассмотрение для получения разрешения на постоянное проживание в этой стране. А почему Германия? – переспросил муж. – Да потому что Америка далеко, в Израиле жарко и полно еврейцев, а Германия в этом плане выгодно отличается от них!

– Ну и как, наши друзья уже получили такое разрешение? – поинтересовалась я, а сердце уколола тайная зависть к тем, кто скоро навсегда избавится от давно опостылевшей перестроечной жизни со всеми вытекающими последствиями.

С пустыми магазинами, к примеру, когда продукты приходилось брать с боем. В одной популярной передаче у знаменитого и любимого всеми ведущего тех лет один мужик даже пел куплеты, посвященные перестроечному бардаку: «В магазине нет яичек, что ж теперь мне жрать свои?!» Опус запомнила на всю жизнь! До сих пор не забыла, как мы хохотали тогда. А вот бандитские набеги, по сравнению с отсутствием продуктов, уже грозили серьезными неприятностями, вплоть до лишения жизни.

– Они уже получили, – порадовался за друзей Лев, – и мы получим, а еще, – он решил подсластить пилюлю, – говорят, что там платят пособие и можно не работать!

– Совсем?!

– Представь себе!

А вот это уже интересно! Жить не работая и заниматься, чем хочешь? Это же просто в кайф! Не ишачить целый день за сотню, получая алименты в размере двадцати рублей. Возвращаться с работы поздно вечером, шастая по темным дворам, шарахаясь собственной тени. Не обливаться слезами, не в силах купить себе хоть какую-нибудь желанную вещь, проклиная свою бедную и беспросветную жизнь. Счастье еще, что у меня есть родители, а то точно пришлось бы выйти на панель, чтобы не сдохнуть с голоду. Да на хрена мне эта работа! Я уже и так от нее устала! Такое замечательное отношение иностранного государства к вынужденным переселенцам показалось мне очень заманчивым. Да….об отъезде стоило задуматься всерьез. Настроение стало понемногу подниматься.

– А сколько там платят за ничегонеделание?

– Точно сказать не могу, – пожал плечами Левка, – но говорят, что хватает. Для нас же там всё бесплатно… даже квартира!

Вот это новость, так новость! Она повергла меня в еще больший оптимизм. Бесплатная квартира…мечта любого российского человека! Здесь же приходилось изыскивать несчастные копейки, чтобы заплатить за жилье и коммунальные услуги, получая время от времени предупреждение о выселении из жилья.

– А еще, – продолжал поднимать настроение Левка, – дают деньги на праздники, одежду и постельное белье…

После новой порции невероятного счастья я, решительно заткнув рот своему патриотизму, сказала:

– Прямо завтра чешем за анкетами в консульство ФРГ. Ты узнал, где оно находится?

– На станции метро «Чернышевская», – обрадовался супруг. – Что, мать, вперед к новой жизни?

– Полный вперед!

Глава 2

Очередь в германское консульство была гигантской, но мужественно отстояв пару часов, мы получили вожделенные анкеты и, прибыв домой, начали с энтузиазмом их заполнять. Пришлось вспомнить умерших родителей Левы и посоветоваться со своими живыми предками. Мама и папа с такой неподдельной радостью отметили наш намечающийся переезд за границу, что в тот вечер мы приползли домой «на бровях». Короче, обмыли по полной! Правда, беспокоились: а вдруг откажут? По идее, не должны. Левка – чистокровный еврей, а не полукровка, с совершенно иудейскими фамилией, именем и отчеством – Штерн Лев Рафаилович. К нашему общему счастью, его мама была еврейкой. Поводов для волнений вроде бы не оставалось. Чтобы обезопасить себя от пропажи столь важных документов, мы даже забронировали на почте ячейку и ежедневно ходили ее проверять.

За время ожидания разрешения произошли некоторые неприятные события. Левку отлупили, хорошо еще отделался разбитой бровью. Квартиру отняли бандиты. Склад, принадлежащий нам, сожгли дотла. Но случились и весьма приятные неожиданности. За приличную сумму ушел антикварный шкаф. Кроме того, мне удалось распродать всю свою одежду социалистического производства (о чем с горечью вспоминаю до сих пор!) и нашу великолепную мебель. Как истинная жена своего еврейского мужа, торговалась с пеной у рта, до хрипоты в голосе, но намеченные суммы таки вырвала зубами! А вот для вывоза дочери от первого брака по подлым российским законам мне предстояло получить разрешение ее биологического отца, моего первого мужа.

Мы разошлись с ним, когда ей исполнилось всего пять лет. Мой бывший, несмотря на офицерский чин, был беспросветным бабником, гулякой и выпивохой, поэтому вопрос совместного проживания пришлось решить кардинально – с помощью развода. Может, этого бы и не случилось, если бы я его любила и была терпеливой, бессловесной теткой. Однако в силу своего характера никому и никогда я не давала вытирать о себя ноги. Кроме того, именно отсутствие любви стало главным поводом для развода, а не его бесконечные выкрутасы. Где нет любви, там жизни нет! Но такую судьбу я выбрала себе сама.

Очень рано, сразу после окончания балетной школы, как дура, выскочила замуж, испугавшись, что женихов может больше и не случиться. Какая же в высшей степени глупость, которую я смогла оценить лишь через пять лет омерзительной семейной жизни! По прошествии огромного количества времени всем сударыням, жаждущим брачных отношений, хочется дать совет словами из одного советского кинофильма: «Не ходите, девки, замуж!» Вот действительно, что уж такого хорошего есть в замужестве? Пять минут (в основном) постельного счастья и то поначалу, а потом долгие годы сплошных разочарований.

Мы добровольно сдаемся в долгосрочный плен, а свободными становимся только через много лет, после некоторых семейных пертурбаций, если муж «свинтил» к другой или внезапно отъехал в мир иной. И после штормовой жизни в океане семейных будней ничего, кроме покоя, больше не нужно. Когда есть свобода и никакой муж не висит на шее, как ожерелье из бетонных плит, можно ужаснуться, сравнив семейную жизнь с жизнью незамужней, реально ощутив, сколько же лет ты находилась в рабстве! Не понимаю, почему, выходя замуж, мы, женщины, должны подчиняться какому-то тирану, не имеющему с нами даже общей крови. Фактически чужой человек! Он позволяет себе командовать, заставляя нас крутиться по хозяйству, требуя нашу зарплату, вешая на шею сделанных им же самим детей, которых, опять же, должны воспитывать и поднимать мы. Из-за него не досыпаешь, недоедаешь, нервничаешь. Ограничиваешь себя в покупках, а чаще всего просто скрываешь их, чтобы не получить за расточительство по башке! Занимаешься ничтожным накопительством, чтобы купить себе хотя бы колготки. Со всех ног несешься домой, чтобы не нарваться

на очередную порцию ревности, скандала и рукоприкладства. Устаешь как собака, отчитываешься за каждый шаг и выслушиваешь его бесконечные нотации о том, как тебе жить! И, конечно же, безумно страдаешь, зная, что у него тайный роман на стороне! И где тут счастье? Где оно? Заблудилось?! Да оно, по-моему, и приходить-то не собиралось! И вот что парадоксально: несмотря на все ужасающие нюансы замужества, все равно мечтаем вновь обрести мужа и с неимоверным оптимизмом протягиваем руки для обручального кольца, которое, как наручники, не дает вырваться из семейной западни долгие годы. Вот кто мы, бабы, после этого?! Не знаю, но понимаю, что в каждой из нас сидит этакий демон мазохизма!

В нашей стране принято считать, что если ты не имеешь мужа, то ты недочеловек, недобаба, в общем, одно непонятное недоразумение. Неимение мужа расценивается как что-то постыдное. Какой же это бред! Отсутствие супруга, но при этом наличие детей выглядит еще хуже и уже граничит с определением падшей женщины, поэтому всем хочется, чтобы муж обязательно находился рядом. Устраивает, в принципе, любой: кривой, хромой, тупой, пьяница, бабник и щелкопер, но главное – он есть и ни одна «собака» не может ткнуть в тебя и презрительно протявкать, что ты никому не нужная одиночка! Нынешние времена изменились ненамного, просто нравы стали посвободнее, но, как всегда, очень актуален до боли знакомый вопрос: «Где взять мужика и желательно хорошего?»

Дорогие мои, живите не ради какого-то деспота. Жизнь у нас одна и прожить ее необходимо с пользой для себя, любимой. Семейное же сосуществование вроде бы и предполагает содружество любящих сердец, где нет места рабству и слепому подчинению одного партнера другому, а тем более тирании, но на самом деле буквально высасывает из нас, женщин, все жизненные соки! Так быть не должно! Если вторая половина «золото» и есть любовь, тогда тысячу раз «ДА»! Ну, а если «медь», то разменяйте его на медные пятаки и дело с концом!

Испытав на себе все прелести пятилетнего семейного «заключения» и полностью разочаровавшись в замужестве, я подала заявление на развод и не прогадала. Бывший муж оказался говнюком. Поначалу даже алименты не платил, но после моего обращения к командованию его быстренько привели в чувство. Ребенком своим не интересовался, подарков не делал, в путешествия с собой не брал. Возил иногда к матери, чтобы та могла похвастаться перед соседями своей единственной внучкой. Но даже привозить дочку обратно домой из другого, неближнего соседнего государства за свой счет приходилось нам с родителями. Короче, экономил на нас, как мог! И теперь у этого злосчастного отца мне придется вымаливать разрешение на вывоз ребенка за рубеж?!

В высшей степени несправедливо! Ладно, я хоть какое-то время алименты в размере двадцати рублей получала, а другие женщины вообще всю жизнь волокут детей на себе, не имея от самцов-производителей и копейки помощи! И самое интересное, руководствуясь буквой нелепого закона, который бы уже необходимо отменить, эти недочеловеки, именуемые папашами, даже если за всю жизнь на свое чадо, оставленное еще в утробе матери, не потратили ни копейки, имеют полное право требовать от него алименты на свое старческое содержание! Вот ведь бред какой! Мою дочь растили, учили, одевали, кормили сначала мы с родителями, а потом и мой новый муж, а разрешение на вывоз я обязана просить у человека, которого и отцом-то назвать сложно!

Уехать в Германию очень хотелось, а посему пришлось свою гордость вкупе с яростью удавить в колыбели и приползти к первому мужу на коленях. Для начала связалась с ним по телефону и весьма дружественно и правдиво преподнесла легенду о подписанном контракте на работу за границей. В связи с тем, что со мной обязательно должна ехать наша общая дочь, попросила дать разрешение на ее выезд. На что он сказал мне:

– Даже не знаю, как быть! Я бы, конечно, не хотел, чтобы она уезжала. За рубежом неспокойно, там много наркоманов, мало ли что с ней может случиться!

Идиот, как будто у нас наркоманов нет! Пришлось целых два часа упрашивать, чтобы подписал документы. Наконец он сдался.

– Приезжай, подпишу!

«Слава богу, «бабки» не потребовал», – перекрестилась я про себя, припомнив героиню фильма режиссёра Петра Тодоровского «Интердевочка» Таню Зайцеву, отец которой взял с нее, брошенной еще в колыбели, заоблачную сумму. В ближайший день я вылетела в Мурманск, где обреталась моя прежняя вторая половина.

Увидев бывшего в зале прилета, подумала: «Какое счастье, что он уже не мой муж!» Андрей держал в руках жалкий букетик, который вручил мне незамедлительно, сдобрив церемонию банальным комплиментом: «Прекрасно выглядишь, дорогая!» Прекрасно, в отличие от тебя. Без лишних слов мы отправились с ним в нотариальную контору. Пока ждали, когда обед в учреждении закончится, поговорили по душам. Андрея очень беспокоило его будущее и он решил прозондировать почву.

– Слушай, а если случится так, что в старости я останусь один и буду лежать больной и без средств к существованию, как смогу найти Эльку в чужой стране и под другой фамилией?

«Никак, – стиснув от негодования кулаки, подумала я про себя, – никогда и нигде ты ее не найдешь», но чтобы вырвать разрешение дала совет:

– А ты, Андрюша, чтобы не оставаться одному, женись и проблем не будет!

Нет, надо же какой подлец! Практически имея к ребенку лишь виртуальное отношение, он уже думал, как разыскать дочь и взгромоздиться на ее хрупкую шею. Папаша, едрит твою! Теперь уже от всей души я мечтала о том, чтобы в его жизни появилась хоть какая-нибудь баба!

Пока мы бегали к секретарю, чтобы напечатать разрешение на вывоз дочери для дальнейшей его заверки нотариусом, в приемной набилась куча народу. Мой самолет вылетал через пару часов, и стало понятно, что, отстояв огромную очередь, на свой рейс я не успею. Поэтому, выйдя на середину приемной, обратилась к сидящим:

– Дорогие мурманчане! Очень прошу вас пропустить меня вперед. Через час вылетает мой самолет в Санкт-Петербург! Я люблю ваш город и знаю, что здесь живут прекрасные, великодушные люди, о которых расскажу в городе на Неве!

Ни одного возмущённого возгласа в свой адрес я не услышала. Наоборот, на лицах сидящих мурманчан расцвели добродушные улыбки. Конечно, кому же приятно слышать, что он подлец, придурок, чмо, зато все готовы быть добрыми и великодушными. Не скупитесь на комплименты и добрые слова в адрес других людей. Это всегда обезоруживает даже преступников и самых злейших врагов! Злоба и агрессия рождают только ненависть и удесятиренные озлобленность и враждебность! Никогда не злитесь и не ругайтесь, даже если чешутся руки дать кому-нибудь в морду!

В кабинет нотариуса мы вошли первыми… После одержанной безоговорочной победы сидели в кафе, где мой бывший делился со мной своими романтическими приключениями, которые были у него после меня. В завершении разговора я решила облегчить его финансовую жизнь и сделала предложение:

– Поскольку мы уезжаем, алименты можешь не платить.

На что он гордо и несколько обиженно заявил:

– Исключено! Платил и платить буду, это все-таки моя дочь, а если тебе не нужны алименты, можешь подарить их детскому дому!

После таких благородных слов на сердце разлилось тепло. «А для него еще не все потеряно, – подумала я, – значит, есть шанс остаться для своей дочери заботливым отцом». Напрасно так думала! Алименты Андрей прекратил платить сразу же, как только шасси моего самолета коснулись питерской посадочной полосы. С той поры больше мы не встречались, а Элечка отправилась с нами в Германию строить новую жизнь!

В процессе подготовки документов необходимо было перевести их на немецкий, и мы познакомились с семьей переводчиков. Супружеская пара Инна и Матвей работали прямо на одной из станций метро, где активно принимали заказы на переводы. Эта странная пара имела троих маленьких, до безобразия грязных и чумазых ребятишек. Сами они тоже особой чистоплотностью не отличались. Однажды мы приехали к ним на съемную дачу в пригороде Санкт-Петербурга, чтобы забрать готовые бумаги.

Нас встретил неописуемый бардак, который царил в доме! На грязном замызганном столе грудой валялись немытые тарелки и чашки. Вместо ужина все трое малышей получили по одной печенюшке и были отправлены спать. Причем спали они втроем на одной облезлой кровати. Решив проявить гостеприимство и угостить меня, Инна высыпала в мутный немытый стакан испитые ошметки заварки из другой использованной чашки, налила горячей воды и обнаружила, что нет ложки, чтобы положить сахар. Выход нашла быстро. Порыскав по грязным закромам захламленного стола, выудила из остатков каши необходимый предмет и, с усердием облизав его, положила в мой стакан с чаем! Затем, не найдя чистой тарелки, просто вылизала грязную, оставшуюся после завтрака, и, бросив на нее пару печений, торжественно предложила попить чайку! Интересно, это уже традиция избавляться таким образом от немытой посуды? Эффективно, ничего не скажешь, но главное, бесплатно и с пользой для здоровья! Вежливо отказавшись от угощения, еле-еле дождалась необходимых документов.

Впоследствии мы узнали, что они тоже собираются уезжать в Германию. Причем грязнуля Инна была беременна четвертым ребенком и важно сообщила, что доберется и до десятого лишь с одной целью, чтобы вырвать из добрых немецких рук все блага цивилизации! И вправду говорят: не лучшие люди уезжают за рубеж!

Волнующее ожидание продлилось ровно семь месяцев, и в один прекрасный день, открыв абонентский ящик, мы обнаружили заветный конверт с печатью, на которой красовалось гордое изображение орла. Трясущимися от волнения руками вскрыли письмо и… о радость, поняли, что нам дали разрешение на постоянное местожительство в Германии! Последняя дата выезда 1 июля. Пришло время по-настоящему проститься с родиной.

Сделать ей ручкой, кроме нас, собралась и дочь двоюродного брата Левы, также проживающего в Питере. Вот это по-нашему! Хоть бы словом обмолвились ближайшему родственнику об эмиграции в Германию. Нет, лишь бы только им было хорошо! Дескать, оставайся, дядя Лева, и мучайся тут, а мы будем припеваючи жить там! Наши люди, как правило, всё делают даже не себе во благо, а кому-то назло!

Оля по странному совпадению была моей тезкой, но фамилию имела не еврейскую, а экзотическую – своего русского мужа. Попугаева собиралась с дочерью и супругом выехать в город Дюссельдорф. С энтузиазмом распродав все свое хиловатое барахло, а самым ценным имуществом была лишь трехкомнатная хрущоба супругов, из вырученных средств без пяти минут счастливые переселенцы купили билеты на самолет. Семья Оли в ее лице имела еврейскую кровь, но на появление у них денег это никак не повлияло, потому что муж был простым водителем троллейбуса, а Олька трудилась лаборанткой в занюханном нищем НИИ. Оставшись без жилья, но с билетами в кармане, Попугаевы осели у Олькиных родителей, чтобы перекантоваться там до отъезда.

В знаменательный день получения виз на въезд в Германию семья Попугаевых неожиданно столкнулась с небольшим препятствием, созданным коварным немецким консульством. Они получили еще одну анкету, в которой был один единственный вопрос: «Какого вы вероисповедания?», и еврейская Ольга, не задумываясь о последствиях и не обращая внимания на неоднократные советы вице-консула, который с пугающей настойчивостью повторял: «Возьмите анкету домой и хорошо подумайте!», совсем потеряв голову от эйфории предстоящих грандиозных событий, взяла и решительно написала «христианка», вот так элемен-

тарно закрыв шлагбаум, открывающий путь в прекрасный мир немецкого «коммунизма»! Визы для въезда в страну эмиграции Попугаевы, о ужас, не получили! На вопрос «почему» и яростный протест последних последовала справедливая реакция. Бледнея и заикаясь, горемычная «христианка» все еще пыталась реабилитироваться, приводя работникам консульства маловразумительные аргументы:

– Я вообще-то иудейка, – доказывала она.

– А почему же вы нас обманули и написали «христианка»? – полюбопытствовал консул.

– Потому что я думала, что иудеи – это христиане!

Порядком устав от бредовых и нелепых объяснений госпожи Попугаевой, генеральный консул невозмутимо ткнул пальцем в микроскопический текст, стоящий в самом конце анкеты, и цинично заявил:

– Вы видите, что здесь написано?

Оля, прищурившись, вгляделась в незнакомые и наиважнейшие строки во всей этой злосчастной анкете, с которыми ранее так и не удосужилась ознакомиться, просто проигнорировав их, и прочла: «За дачу ложных показаний немецкое консульство имеет право наложить запрет на въезд в Германию».

К великому сожалению, это наша наиглавнейшая ошибка при подписании любых серьезных документов. Слегка пробегая глазами строчки, которые отпечатаны только крупным шрифтом, до микроскопического текста, стоящего обычно в конце документа и содержащего все подводные камни разных договоров, мы так и не добираемся! А потом при форс-мажорных обстоятельствах, когда нас тычут в него носом, понимаем, как были неправы, так как именно эти строки имеют против нас самую большую силу и совершенную роковую ошибку уже ничем исправить нельзя! Будьте внимательны!

– И что же теперь нам делать? – растерялась Оля.

– Обращайтесь в суд! – последовал короткий ответ.

После годовой переписки с немецким судом тот вынес беспрецедентное решение вообще не пускать Попугаевых не только в Германию, но и в Шенгенскую зону! На следующий день после того, как Ольгу отшили, так и не выдав визу для въезда в страну, анкеты с заковыристым вопросом о вероисповедании… отменили! Вот оно «еврейское счастье» в действии! Но история, которая получила в народе название «Казус Попугаевой», еще долго гуляла в испуганных рядах получателей немецких виз. Узнав из источников, близких к семье пострадавших, о случившейся трагедии, а иначе всё произошедшее и не назовешь, мы пришли в консульство буквально на полусогнутых, но обратно уже выходили на прямых ногах, любуясь визами, сверкающими в паспортах! Делать глупости надо тоже умеючи и там, где это нужно, а то ненароком можно и сук обломить, за который и так держишься с большим трудом!

Оставался последний решительный шаг. Необходимо было выписаться. В те годы нас лишали прописки и мы фактически становились бомжами. Позже этот безжалостный закон отменили. Для выписки и прописки следовало посетить отделение тогда еще милиции и паспортный стол. Этот поход оставил неизгладимый след в моей душе! Едва я зашла в приемную милиции, как у меня, в буквальном смысле этого слова, просто потемнело в глазах, но отнюдь не от давления, а от бессчетного количества смуглолицых гостей нашего города из различных уголков Закавказья и Средней Азии. Было человек пятьдесят и среди них, кроме милиционеров и меня, больше ни одной белой физиономии! Позже, при посещении Великобритании, всё повторилось – бледнолицых мизер, большинство чернокожих, пакистанцев и индусов. А во Франции я обратила внимание на то, что белые в основном – это зарубежные туристы. Такое впечатление, что белокожая раса скоро и вовсе исчезнет с планеты Земля! Тревожный сигнал, однако!

В паспортном столе прямо передо мной стояла женщина кавказской национальности, желающая прописаться. В руках она держала штук двадцать паспортов. На вопрос паспортистки: «Откуда?», сказала, что из Грозного… Не потому ли теперь мы, россияне, чувствуем себя в своей стране почти гостями? Почему Россия превратилась в проходной двор, куда со всех концов стекается различный непонятный люд, имеющий лишь одно желание – поживиться за наш счет? Пропуск в Германию, например, строжайший! Сюда больно-то не пролезешь, и даже если есть настроение пригласить родственников, нужно показать свои доходы и доказать, что ты сможешь на свои деньги содержать приезжую родню. Почему же у нас всё так неорганизованно и расхлябанно? Может потому, что страна большая или ею бездумно управляют на местах?

Билеты купить смогли, а вот денег на первое время не было совсем. Перед отъездом, закрывая фирмы, нам пришлось заплатить все налоги – бешеную сумму – и от наличных остался только «пшик»! Уцелевшая после бандитских набегов недвижимость не продавалась, да и времени для этого совершенно не было. Но если счастье тебя нашло, то уже не отцепится. Хозяйка квартиры, которую мы снимали перед отъездом, купила остатки нашей мебели и отдала нам целых шестьсот долларов. Вот и все капиталы, но и этой удаче мы радовались, как дети! Мои родители устроили отвальную, и, как следует отметив предстоящий отъезд, поздно вечером, мы разошлись по своим комнатам. Утром предстоял наш рейс в Германию…

В последнюю грустную ночь прощания с близкими и родиной, где прошли все наши неосознанные и сознательные годы существования, я никак не могла заснуть. Перед глазами, как в ускоренной киносъемке, пробегали картины моего детства, юности, молодости, отрочества, удачи и неудачи, приобретения и потери и самые знаменательные события нашей жизни. Горло перехватил спазм, на глаза навернулись слезы, а сердце билось, как хронометр, отсчитывая секунды, минуты и часы до рокового шага, за которым – полнейшая неизвестность… Пусть в этой стране было всё: и счастье, и горе, но… – это моя страна, моя родина! Со слезами, печалью и тревогой в душе встретила рассвет. Нас ожидали объемный багаж и такси, которое уже стояло у дома. Ну вот и всё, прощай, Россия… Нет, все же… до свидания!

Международный аэропорт жил своей жизнью. Кипящий котел сомнений, радости, печали, ностальгии и…одной на всех надежды. Из Казахстана транзитом целым табором ехали в Германию русские немцы, упаковав свое хозяйство в огромные клетчатые челночные сумки. Их было очень много. Таможенники трудились не покладая рук. По сравнению с русско-немецкими колхозниками, мы выглядели скромными питерскими интеллигентами. Самым ярким свидетельством принадлежности к этой немногочисленной прослойке был наш двухкассетный магнитофон, который, как корона, венчал вершину багажа и являлся как бы апофеозом культурной крутости! С большим трудом распрощавшись с родителями, я, Лева и Элька, едва сдерживая волнение и слезы, почапали на таможенный досмотр. Бедный труженик таможенного фронта настолько обалдел от бесконечной череды забитых под завязку клетчатых баулов, что, когда подошла наша очередь, просто устало спросил:

– Есть какие-нибудь ценности?

Левка пожал плечами и ответил:

– Да есть там у девчонок по мелочи!

– Проходите, – сказал замученный страж интересов страны и пропустил нас не глядя.

А чего искать-то, если ничего достойного внимания нет! Мы прошли в зал ожидания. Как будто что-то почувствовав, я оглянулась и за прозрачной стеклянной стенкой увидела… плачущую маму с моей любимой мочалкой в руках, которую я забыла положить в багаж. Она плакала и растерянно показывала знаками, что хочет ее передать. Я тоже плакала, знаками отвечая, что уже поздно и ничего сделать нельзя. Так мы стояли и смотрели друг на друга,

разделенные безжалостной стеной эмиграции, и мама так навсегда и осталась в моей памяти именно такой, плачущей и с мочалкой в родных руках…

Объявили посадку и, с трудом оторвавшись от мамочки, оставшейся в той, прошлой питерской жизни, мы побрели на посадку…в жизнь будущую. В самолете я вновь вспомнила героиню фильма блестящего режиссера П. Тодоровского «Интердевочка» Таню Зайцеву. Она летела за границу, триумфально глядя на постылую родину, а я…с безутешной тоской по ней…

Глава 3

Через пару часов самолет доставил нас в страну нашей мечты. Пройдя без проблем таможенный и паспортный контроль и погрузив на тележку свой жалкий скарб, мы вышли из здания аэропорта. Ступив на землю обетованную, моментально окунулись в безбрежное море совершенно чужих иностранных людей. Отовсюду неслась немецкая речь. Русских немцев, наших многочисленных попутчиков, уводили в специальные автобусы встречающие их сотрудники эмиграционных служб, лишь наше трио потерянно топталось на месте, не зная куда брести дальше. Еще раз внимательно рассмотрев инструкцию немецкого ведомства, мы прочитали название пункта назначения и должны были теперь узнать, как нам туда добраться. Шиковать на несчастные шестьсот долларов, взяв такси, не имели права, а посему решили подобраться к стоящим поблизости автобусам и получить нужную информацию.

Надо сказать, что из нас троих хоть какое-то представление о немецком языке имел лишь мой ребенок. Знания были весьма скудными и включали в себя только достопримечательности Гамбурга. Ну, а поскольку мы находились в Ганновере, то вряд ли они могли здесь пригодиться. У меня с этим иностранным языком дела обстояли еще хуже. Я знала всего три немецких выражения: «Хенде хох», то есть «руки верх», «Гитлер капут», дескать, конец тебе, Гитлер, и «Ахтунг» – «внимание», да и то эти знания были почерпнуты из многочисленных фильмов о войне, которые я смотрю вот уже двадцать пять лет своей жизни. О Левке и говорить нечего, он и на русском-то общается с переводчиком! И вот такой тупой безъязыкой компанией мы собирались путешествовать по незнакомой стране… Мрак, да и только! Я, правда, знаю французский, но ведь это не Париж, говорю на татарском, но мы же, в конце концов, не в Казани!

Толкая перед собой тележку с нашей багажной кучкой, мы робко подошли к близстоящему автобусу, чтобы попытаться выяснить дальнейший маршрут. Мудрить не стали, просто вошли в автобус, развернули нашу бумажку и ткнули пальцем в название города, куда нам предстояло прибыть. Водитель что-то залопотал на немецком, а мы с надеждой уставились на Эльку. По выражению ее лица стало ясно, что достопримечательности Гамбурга ей намного ближе.

– Ёшка, – обратилась я к дочери (это Элькино детское прозвище), – что он говорит, куда дальше-то ехать?

– Это… ну… вот… там… в общем… не знаю! – пролепетал испуганный ребенок.

Пришлось выйти из автобуса и приклеиться к товарищу, который собирался в него войти, и тут…начался бесплатный цирк! Сидящие в автобусе пассажиры вместе с водителем равнодушно ожидали развязки нашего глухонемого контакта. По ходу, наконец, Элька вспомнила слово «befindet sich», что означает глагол «находиться», и, вновь ткнув пальцем в название города в бумагах, мы втроем с надеждой посмотрели на бюргера. Вежливый все-таки народ немцы! Наши давно бы уже послали нас на три буквы, а от раздражения еще бы и по шее хорошенько дали!

Забыв о том, что он должен куда-то ехать, добрый самаритянин начал активно и с энтузиазмом объяснять, куда и на чем нам двигаться дальше. Чем дольше он объяснял, тем сильнее проявлялось недоумение на наших слабоумных лицах. Вот зараза, ни одного знакомого слова! С разочарованием оглядев наши туповатые мордуленции, дядечка решил наглядно показать вид транспорта, на котором нам предстояло ехать далее, и пустился танцевальным элементом «ползунец» вокруг автобуса. Мы проводили его тоскливыми взглядами… Когда же, в конце концов, весь красный и мокрый от усердия, он вырулил с другой стороны, оставалось только констатировать, что его усилия не увенчались успехом!

Мы стояли, как дебилы, не в силах понять его замысловатый экзерсис. Едва отдышавшись, он пустился вприсядку, пытаясь изобразить транспортное средство. Затем в ход пошел бег на месте, а потом и интенсивные прыжки в высоту вкупе с ручными пассами, изображающими движение колес, при этом он умудрялся бесконечно повторять: «Zug», «Zug», но видел перед собой лишь глупые физиономии новых завоевателей Запада. Автобус, меж тем, упорно стоял на месте в ожидании конца танцевального марафона, и, представьте себе, никто не возмутился! В нашей стране мы бы уже за свою тупость и несообразительность получили бы от разъяренных пассажиров и водителя битой по голове, а эти сидели тихо и ни капли агрессии к нам не проявили! Тут насторожилась Элька и с неуверенностью заявила:

– Цуг – это, по-моему, поезд…

Вы бы видели, как обрадовался наш нежданный и усердный гид, увидев просветление на наших глуповатых лицах. Потом Элька вспомнила, как называется по-немецки вокзал, и мы вновь радостно ввалились в автобус и купили три билета до железнодорожного вокзала. Вот это удача!

Центральный вокзал города Ганновера оказался провинциальной занюханной станцией с почти полным отсутствием интерьера. Толкая перед собой тележку с багажом, сложенным в двухметровую пирамиду, верхушку которой горделиво венчал двухкассетный магнитофон, даже не упакованный в какую-нибудь коробочку, мы, естественно, обращали на себя внимание окружающих нас немцев. Они провожали странное трио удивленными взглядами и улыбками. Кое-как, с грехом пополам, взяв три билета до нужного нам городка, мы поспешили на посадку. Эскалаторов для подъема на платформу тогда еще не было, появились они гораздо позже, а пока сообразительный Левка, как опытный стратег, расставил нас с Элькой по местам. Она стояла внизу лестницы, охраняя наши баулы, а я наверху, а между нами, как хомяк больной бешенством, носился с чемоданами и сумками в зубах господин Штерн, перетаскивая снизу вверх наш домашний скарб. На последней, десятой, сумке ножонки его заплелись и он распластался рядом со своим грузом. Общими усилиями поставили его на ноги, отряхнули, а затем мелкими перебежками с трудом дотащили багаж до платформы. Не успели оглянуться, как подошел поезд. Побросав барахло в транспортное средство, с радостью разместились на своих местах.

Поезд тронулся, и тут от резкого толчка на Левку свалился чемодан, который, обрушиваясь на голову своего хозяина, еще и сорвал стоп-кран. Поезд дернулся и остановился. Прошло минут десять, и вдруг в вагоне появился обозленный машинист, который, увидев сорванный стоп-кран, что-то строго начал выговаривать, обращаясь непосредственно к нам. Не на шутку перепугавшись, мы ни в чем признаваться не захотели, хотя сделать это было больше некому. В раннее утро воскресного дня в вагоне находились только мы, всем своим видом показывающие, что нас тут вообще не сидело! Ругнувшись напоследок, работник транспортного цеха ушел, а мы с Элькой начали приводить в чувство Левку, который после атаки чемодана выглядел, как из-за угла пыльным мешком треснутый! Вот не хватало еще, чтобы долгожданная эмиграция началась с похорон! Не дай бог! Благополучно доехав до города Бад-Пирмонт – пункта назначения, стоящего в документе, – нам все же пришлось взять такси, и буквально за пятнадцать минут мы домчались до лагеря контингентных беженцев, как нас теперь называли, где должны были зарегистрироваться и откуда брала начало новая заграничная жизнь.

Приняли нас весьма доброжелательно. Выделили огромную тридцатиметровую комнату с шикарной террасой. Вечером того же дня назначили встречу с чиновницей, курирующей поступающие потоки эмигрантов. Она провела с нами обстоятельную беседу, разъяснила правила пребывания здесь и заполнила документы. Этот лагерь был перевалочным. Многочисленных еврейцев, притащившихся со всех концов России и стран СНГ, отправляли отсюда в другие лагеря, или, как их тут называют, хаймы. Ехать нам предстояло через пару

недель, а пока оставалось наслаждаться тихими днями эмигрантской жизни. В первый же день нам выдали деньги, не в долг, а безвозмездно, где-то марок сто пятьдесят или двести, если мне не изменяет память. Это событие сильно подняло настроение, и я подумала, что если финансовые дела и дальше пойдут так бодро, то вскоре мы сможем накопить приличную сумму, даже и не подозревая, что подкопить денег нам не удастся еще долгие годы.

На дворе стояло лето, которое вкупе с потрясающей немецкой природой принесло спокойствие и умиротворение в наши измученные перестройкой души. Бад-Пирмонт оказался прелестным курортным городком. Здесь были обалденный парк с озерами, кишащими зеркальными карпами; концертные залы, лесные массивы и почти полное отсутствие светофоров! Просто дисциплинированные водители как вкопанные останавливались перед переходом, давая пешеходам спокойно пройти по нему! Вечерами мы выходили с Левкой на прогулку и удивлялись тому, что люди здесь так рано ложатся спать (темными вечерами ни в одном доме не светилась ни одна лампочка). Позже нам объяснили, что окна просто-напросто закрываются непроницаемыми жалюзи. Днем мы разгуливали по магазинам, знакомясь с товарами, которых не было тогда в России. И впервые, после длительного российского воздержания, сделали мне большую покупку – брюки за целых сто марок! Как оказалось впоследствии, это было крайне недальновидно и расточительно, потому как здесь можно одеться всего на пять-десять марок и выглядеть довольно прилично. Истинную цену деньгам мы узнали гораздо позже.

Через три дня Эльку отправили в местную школу, и на наше удивление, ребенок, хоть практически и не знал языка, пошел туда с радостью. В первый же день общительная Элька подружилась с ребятами и все последующие дни до отъезда с удовольствием посещала местное учебное заведение.

В последние перед эмиграцией годы, работая с детьми в качестве преподавателя танцев, я выезжала с ними на гастроли в Гамбург. Это было мое первое посещение Германии и вообще заграницы. За зарубежную поездку в творческом центре между педагогами и коллективами шла беспрецедентная борьба. В конечном итоге в списке счастливчиков оказался мой танцевальный коллектив, состоящий исключительно из мальчиков, детский театр мод с невнятной руководительницей Юлией Владимировной и цирковой кружок под руководством педагога по фамилии Петров. Кроме того, с нами, разумеется, поехала заместитель директора дома творчества, бывшая комсомольская функционерка Нина Алексеевна и задрипанный корреспондент одной из питерских газет Валера, собирающийся в ближайшее время впервые стать отцом. В его функции входило освещение нашего заграничного турне.

По приезду в Германию нас поселили в доме престарелых в пригороде Гамбурга, где мы тоже дали концерт для стариков, вызвав неподдельный восторг последних. Ребята с успехом выступали в школах и на уличных площадках. Выступления чередовались с экскурсиями и прогулками, педагоги парами выезжали в город, чтобы побродить по изобилующим товарами магазинам. Настал и наш, с циркачем Петровым, черед, и, оставив детей на попечение других руководителей, днем мы выехали в Гамбург, где приятно провели время до вечера. Вот только с наступлением темноты очень растерялись, не зная и не ведая, как нам добраться до нашего местопребывания. Кое-как разузнав, какой автобус идет в те края, а надо сказать, что ни Петров, ни я немецким не владели, мы вошли и купили билеты, не зная точно на какой остановке выходить. Водитель ничего объяснить нам не смог, за окошком стояла кромешная тьма и, в отчаянии обсуждая с Петровым катастрофическую ситуацию и оглядывая редких пассажиров, я в сердцах произнесла:

– Господи! Да кто-нибудь знает, когда нам выходить?!

И тут, как гром среди ясного неба, раздалось на чисто русском:

– Я знаю!

Парень, оказавшийся бывшим соотечественником, буквально за руку привел нас к воротам нашего временного пристанища, за что мы были ему безмерно благодарны. Стало понятно, что тут полно земляков и даже без знания языка никогда не пропадешь!

Последний день перед отъездом из Гамбурга мы, взрослые, по давней русской традиции отмечали бурно и, разумеется, водкой. За душевными разговорами и не заметили, как в ход пошла вторая бутылка! А с утра, выйдя с вещами на улицу, я просто ужаснулась, увидев общество, стоящее во дворе. Складывалось впечатление, что половина собравшихся – пациенты психиатрической клиники. На моих мальчишках сидели ковбойские шляпы из отдела игрушек, а за пазухой торчали игрушечные пистолеты и сабли. Детские мордашки прятались за веселыми мультяшными масками! Не лучшим образом после вчерашнего бурного междусобойчика выглядели и взрослые. Особенно своим неадекватным видом выделялся журналист Валера, третью бутылку водки вылакавший лично. Он с трудом стоял на ногах, держась за больную головушку, на которой почему-то красовалась шапка с заячьими ушами, а рядом с ним притулились два тряпочных мешочка, куда он сложил подарки для жены и новорожденного, купленные на блошином рынке! И представьте себе, мешки с перепоя упаковал изнанкой наружу! А еще творческий человек, черт побери, пресса! Даже не знаю, как такой безумный коллектив пустили в самолет! Однако позже Валеркины хвалебные дифирамбы в питерских газетах, посвященные нашему гастрольному турне, затаив дыхание, читали всем коллективом. Вот такой оказалась моя первая встреча с Германией!

Всё в этой стране превосходно и замечательно, одно плохо: открываешь окно, а в городе… немцы! Но не всё так безнадежно, как кажется. А вообще-то эмиграция эмиграции рознь. Уехавшим в Америку родные и знакомые пишут письма с вопросами:

– Ну что, как вы там устроились? Как Америка?

– Да всё отлично, – отвечают переселенцы, – мы здесь обожрались, обосрались!

– А как Америка, понравилась?

– Америка? Да черт ее знает, мы же туда не ходим!

Но если они там с Америкой не контачат, то мы тут с Германией должны обязательно подружиться!

Через несколько дней на доске объявления вывесили списки еврейцев, отъезжающих в разные хаймы, где мы должны были дожидаться полного оформления документов для постоянного здесь проживания. Рядом с нами активно тусовалась девица, многодетная мать, которую из-за аномального второго ряда острых зубов Элька прозвала Акулозубкой. Мы здорово перепугались, что придется ехать в лагерь вместе с ней и тремя ее грудными детьми, с которыми пришлось бы возиться по дороге и нам. К счастью, нашими попутчиками стала молодая семья. Они прибыли сюда откуда-то из-под Херсона. Сам глава семейства Гена (жена называла его на украинский манер – Хеня) русский, а его супруга Мира – еврейка. Их старшая дочь Оксана резко отличалась от общительной Эльки своим капризным характером, за что сразу же получила от дочери прозвище «Колебала», потому что за всю дорогу до хайма достала всех!

Микроавтобус въехал в пустынный двор лагеря ранним утром, когда все обитатели, прибывшие сюда раньше нас, еще спали. Вывалившись со своими пожитками, мы пошли оформляться в кабинет к начальнику. Управлял лагерем довольно нечистый на руку (как оказалось потом) господин Шульц, выходец из ГДР. Он прекрасно говорил по-русски и, по-видимому, за такое достоинство и был поставлен на эту должность. Поговаривали, что в недалеком прошлом директор являлся сотрудником органов безопасности ГДР «Штази» (Stasi), а вот теперь охотно приглядывал за эмигрантами, прибывшими с Востока. Нас поселили на верхнем, третьем, этаже. Комнатка была маленькая, но с отдельной ванной, в которой имелась даже душевая кабинка. В общем, устроились с комфортом. Наш летний курортный отдых начался.

После обеда Шульц собрал всех обитателей хайма у себя в кабинете и представил вновь прибывших соотечественников, то есть нас. В лагере обитало одиннадцать семей, которые соседствовали и уживались друг с другом, несмотря на различия в характерах и социальном статусе. Самой развратной и чопорной показалась нам молодящаяся тетка лет сорока, которую все называли Янка-художница. Она проживала со своей дочерью Светой, симпатичной и приветливой девушкой. Художница была женщиной одинокой и очень старалась прихватить тут какого-нибудь мужичонку, будь то местного аборигена или из числа женатых обитателей хайма. Наверное поэтому никого не стесняясь, всегда прыгала во дворе в одном уж слишком откровенном бикини, а проще говоря, в трусах и бюстгальтере, из которого постоянно вываливались ее аппетитные перси.

Обитала тут и командирша своей семьи, гром-баба Верочка. Вместе с ней прибыла и вся ее тихая родня: сыновья Вадик и Толик, муж Петя и невестка Нина. Крепкой рукой и с большим успехом управляла Верочка своим подкаблучным хозяйством, потому что никто, кроме самой Веры Лейбовны, в этом запуганном коллективе и пикнуть не смел. Они, как старообрядцы, жили своей коммуной и в чужие дела не лезли, регулярно зарабатывая дойчмарки, перевозя на собственном автомобиле в город и обратно всех желающих прогуляться.

Наташа и Саша Зубец, молодая семья укро-еврейцев, прибыла аж из самого Киева. Наталья приехала беременной и уже тут родила дочку Катю, которой, когда мы прибыли в хайм, исполнилось семь месяцев. В этого чудного ребенка я влюбилась с первого взгляда. Несмотря на юный возраст, на губах у нее постоянно играла улыбка, и я не припомню ни одного случая, чтобы она плакала. Отец девочки был мрачным еврейским мужичком, а с говорливой хохлушкой Натальей мы подружились сразу и дружим до сих пор. Именно она рассказала нам о правилах и подводных камнях здешнего пребывания. Надо сказать, что из одиннадцати семей, включая нас, девять прибыли из Украины и лишь две из Санкт-Петербурга.

Алик, Таня, их старшая дочь Галя и придурочный, донельзя избалованный младший сын Ваня – наши земляки, но налаживать с нами дружеские отношения вовсе не собирались. Шепот донес слух, что Алик бизнесмен, видимо, поэтому и нес себя по жизни, как типа крутой. Был гордым, отстраненным, совершенно непонятным и крайне неприятным, по сравнению с остальными обитателями хайма. Вокруг него все время крутилась похожая на суетливую белую мышь белобрысая Таня, невзрачной наружности, но с невероятным апломбом. А уж от их сыночка Вани покоя нам всем не было ни днем, ни ночью! По ребенку явно тосковал психиатр, но на эту большую проблему бизнесменистые родители внимания, увы, не обращали.

С Наташей и Сашей Зубец дружила еще одна молодая и пока бездетная пара Саша и Рита. Я не помню сейчас, слышала ли я вообще голос молчаливой Риты, но постоянно лицезрела ее только с сигаретой в зубах. Впоследствии Маргарита родила ребенка, но, к великому сожалению, очень больного. Вот и нужно подумать женщинам, желающим рожать, стоит ли баловаться сигаретами.

Среди семейных пар встречались и одиночки. Эстер, симпатичная молодая женщина с пышной копной роскошных волос, с годовалой дочкой на руках. Она приехала откуда-то из-под Львова, навсегда оставив там мужа-украинца и свою девятилетнюю дочь. Гуляющие по лагерю сплетни говорили, что младшую дочь она прижила с каким-то иранцем, собирающимся приехать вслед за ней в Германию. Как я поняла, Эстер обожала восточных мужчин, поэтому бывший супруг, не простивший ей такого увлечения, не отдал изменщице старшую дочь.

Еще один постоялец – одинокий еврей Миша, – примчался сюда, опять же из Украины, оставив там после развода свою семью. Это был внешне приятный, но довольно странный товарищ, в разговорной речи которого имелось самое главное слово «шо», с успехом заме-

няющее все остальные слова. С помощью «шо» выражался восторг, сомнение, недоумение, ярость и самое интересное, все его понимали! Мы прозвали нового приятеля Мышо, сделали этакий гибрид от производных Миша+Шо, получилось: «Мышо». Мишка как-то сразу проникся к нам симпатией, правда, подозреваю, в первую очередь, ко мне. Если в лагерь привозили продукты, например, яички или кур, Михаил тут же со всех ног мчался к нам предупредить, поскольку деликатесы быстро разбирали. Впоследствии мы дружили с ним еще несколько лет, пока он окончательно не утомил нас своим обществом.

Самыми большими друзьями мы стали с пожилой женщиной по имени Рахель Соломоновна, прибывшей сюда после смерти мужа вместе с младшим сыном Игорем, которому, впрочем, было уже около тридцати. Здоровый, не лишенный обаяния Гаррик, как звали его здесь, оказался… олигофреном! По его виду и даже речи об этом невозможно было догадаться. Он обожал рассуждать о политике и говорил вроде бы разумные вещи, но вместе с тем, головку имел больную. Не знаю, это ли обстоятельство сыграло роковую роль в отношениях между Рахель и другими обитателями коммуналки или ее незащищенность, но в лагере старушку начали обижать. Выражалось это во всякого рода словесных оскорблениях и ядовитых замечаниях. Понаблюдав за ситуацией, мы решили бабульку в обиду не давать и устроили кое-какой распоясавшейся шушере хороший отлуп, а посему при нас никто из обидчиков не смел в ее адрес и слова пикнуть.

Вот так всегда! Обязательно найдут слабейшего, и если у того нет защиты, то отыграются по полной. Травля – весьма характерная черта нынешнего времени, особенно между соотечественниками. Здесь, в Германии, такое явление встречается крайне редко. Если же появляются хотя бы редкие попытки загнать вас в угол, моментально берите ситуацию в свои руки и поставьте агрессоров на место, иначе от пережитого так и помрете бессловесной жертвой. На наезды надо отвечать лишь нападением и никак не иначе! Пусть боятся, а значит, не будут с вами связываться и в конце концов оставят в покое.

Нашей соседкой по этажу оказалась журналистка Ира, которая примчалась сюда вместе с мужем и сыном Андрюшей. Они, кроме нас, ни с кем не общались. Да и отношения между нами дружбой можно было назвать с натяжкой, просто соседи, и всё тут.

Вот такой разношерстный коллектив сложился в этом большом еврейском общежитии. Мне никогда не приходилось жить ни в коммуне, ни в коммуналке, поэтому готовка на общей кухне и постоянное времяпрепровождение бок о бок со всеми этими людьми приводили в уныние. Лишь надежда шептала на ухо, что это явление временное и надо потерпеть. Ну… нам было не привыкать. Чтобы пустить тут корни, мы могли бы жить с ними даже в одной комнате.

Глава 4

Потихоньку начали обживаться в лагере. Распаковав свои миски, плошки, кастрюли порадовались, что все необходимое у нас под рукой. Перед отъездом в Германию те, кто уже проживал там, уверяли, что ехать надо лишь с полупустым чемоданом. Дескать, тут можно купить абсолютно всё, но мы не оказались доверчивыми простаками и взяли с собой все вещи, что смогли довезти! Для покупки даже старого ржавого гвоздя в Германии нужны тугрики, а у нас их на данный момент совсем немного.

Деньги выдавали регулярно, но моей-то мечтой было накопить капитал! Примеры такие встречались. Вот, к слову, одни иммигранты не ели, не пили, не одевались, не пользовались телефоном, никуда не ездили, ничего не покупали, а теперь живут в собственном доме! Может, и нам так подсуетиться? Хотя…вряд ли. После такой жесткой экономии для осуществления грандиозной покупки есть ли смысл сидеть в совершенно пустой хате голожопой мумией?! Думаю, нет!

– Слышь, Левка, – обратилась я к мужу, – а давай на фиг не будем экономить и хоть пару месяцев поживем по-человечески!

– Давай! – согласился Лев.

И мы побежали в единственный в этой деревне магазин, который имел понятное название «У деда». Сам дед тут не маячил, вместо него трудился довольно моложавый коллектив, состоящий, очевидно, из детей и внуков прародителя. Элька, как всегда, выступила в роли переводчицы:

– Дайте нам один килограмм фарша!

У бедной продавщицы от изумления из рук выпал кусок колбасы. Что же вызвало такое удивление? Все стало ясно после объяснения Наташи Зубец.

– Да они, в смысле немцы, берут его по сто граммов на бутерброды.

Кстати, мясной «тартар», то есть сырой фарш с луком, это национальное немецкое блюдо. А мы попытались купить один килограмм такого фарша на котлеты! Какая серость! О котлетах, видимо, здесь никто и понятия не имел. Немцы специализируются в основном на полуфабрикатах. Никто особо не утруждает себя приготовлением борщей и голубцов. Но может, это и правильно? Ведь, как правило, готовим полдня, а съедаем за пять минут, так стоит ли мучиться?! Тем не менее, имея достаточно свободного времени, я с энтузиазмом готовила: варила, жарила, пекла, в общем, пребывала в кулинарном угаре и кайфе!

Левка, незаметно для себя, сошелся с Мишкой, и они частенько уходили гулять или часами разговаривали в беседке, несмотря на полное косноязычие одного из собеседников. А я, наконец, решилась взяться за учебник немецкого языка, который предусмотрительно купила еще перед отъездом. Непонятные слова и выражения, времена и предлоги, артикли и еще всякая хрень просто повергли мои обленившиеся мозги в уныние, но надо же с чего-то начинать и как-то «шпрехать»! Поскольку в моем крошечном словарном запасе имелось всего три выражения, учебный процесс я начала с четвертого, весьма вежливого слова «entschuldigen», что означает «извините». Но надо было еще умудриться его вообще выговорить! Язык постоянно заплетался и запинался, делая безуспешные попытки произнести столь заковыристый глагол! Господи, если и весь немецкий такой, то мне конец! Промучившись пару часов, я заметила, как улетучился энтузиазм изучать немецкий и появилось непреодолимое желание съесть что-нибудь сладкое.

Надо сказать, лишь месячное пребывание на этом прекрасном курорте под названием «эмиграция» добавило к моему совершенно истощенному, замученному перестроечными голодовками и проблемами телу килограммов десять. Из зеркала испуганно выглядывала толстая, на вид почти пятидесятилетняя, тетка с уже наметившимся вторым подбородком,

но желания привести себя в порядок не было! Если честно, то на меня и в таком безобразном виде обращали внимание непритязательные местные жители. Один немецкий товарищ даже подвез нас с Элькой в магазин, где мы хотели купить дочке спортивные тапочки, и представьте себе, оплатил все наши покупки взамен на один мой звонок, которого так и не дождался. Не знаю почему, но, наверное, из-за усталости от прежней сложной жизни на приключения пока не тянуло. Однако я заметила одну особенность: для немецких мужчин внешность спутницы не играет никакой роли. Она может быть крошечной или громадной, худосочной или толстозадой, кривоногой и в последней стадии ожирения, все равно женщины, даже с такими своеобразными особенностями, – желанные. Они имеют мужей, бойфрендов и сожителей, причем мужчины отнюдь им не под стать!

Для немцев взаимопонимание и сексуальная совместимость в отношениях – главные составляющие счастливой жизни. Возрастные пары вообще никогда не расходятся и благополучно доживают до золотой свадьбы. Разлучает их только смерть! А молодежь, в основном, сожительствует. Бывает, женятся, а порой и расходятся, не без этого! В плане верности немецкие мужчины на сто голов выше наших – постоянно обманывающих своих жен и невест, и в большинстве своем имеющих на стороне любовниц. Частенько они умудряются жить даже с несколькими тетками одновременно, а перешагнув пятый десяток, и вовсе без зазрения совести меняют возрастную вторую половинку на новую молодую.

Не могу понять, вроде все люди одинаковые, а духовно-душевные ценности разные, как земля и небо! Наши джентльмены никак не могут утихомирить свой буйный сексуальный нрав, наверное потому, что их мало, а женщин, жаждущих любви, великое множество, причем абсолютно всех возрастов. И сударыни сегодня, к большому сожалению, очень доступны, бери не хочу! Раньше даму нужно было добиваться, петь серенады, дарить подарки, посвящать ей стихи и совершать рыцарские поступки, а что сейчас? Покажи ей аппетитную пачку денег – и она, как «приклеенная», поползет за тобой на край света!

В наше время женщина как объект обожания и преклонения, констатирую с горечью, закончилась навсегда! Сегодня состоятельный джентльмен может появиться в поле ее зрения, как в упоении рассказывала многомиллионной аудитории известная своими скандалами одиозная артистка, и той же ночью уже вовсю трахать ее на яхте. Причем тетя прекрасно знает, что данный любвеобильный объект женат и имеет детей! Ну и можно после этого называть ее ЖЕНЩИНОЙ? Сомневаюсь! На ум приходит беседа двух киногероев. Один спрашивает у другого, указывая на знакомую распутную девицу:

– А ты бы ее трахнул?

– Только кирпичем! – лаконично отвечает другой.

Вот и выходит, что из-за прошмандовок, готовых раздвинуть ноги в первую же минуту знакомства, эта пошлая, развратная тень падает на всё женское сообщество. Именно поэтому порядочных девушек, не желающих таких отношений, эти пресыщенные телками и сексом самцы безжалостно отбрасывают, и тема замужества – самая больная и актуальная для наших перезрелых и неустроенных российских дам. Вот и получается, что замуж их не берут либо потому, что они слишком гордые и недоступные, либо потому, что слишком доступные и развратные!

Какое счастье, что я замужем и мне не грозит этот мучительный поиск хоть какого-нибудь жениха!

Умиротворенная, спокойная жизнь превратила наши с Левой отношения прямо-таки в чудесный медовый месяц, мы любили друг друга, как говорится, от души. Всё было хорошо, никаких ссор и проблем. Конечно, когда нет долгов и есть какие-то финансовые средства, какие могут быть проблемы между супругами?! Просто наслаждайся жизнью и всё!

Санаторий «Хайм» окружали бескрайние дремучие леса, правда, расчерченные вдоль и поперек отличными асфальтовыми дорожками. Всё население лагеря целыми днями паслось

в лесных массивах, занимаясь грибной охотой. Надо сказать, что местных жителей поиск лесных даров совсем не привлекает. Лучше они купят один килограмм белых за сорок марок, чем будут весь день болтаться по чащобам, таская на горбу тяжеленную корзину. Для нас же это занятие оказалось увлекательным промыслом. Мы давно уже позабыли активные походы за грибами в России. В основном, от страха потеряться, наткнуться на какого-нибудь отморозка или случайный труп, поэтому здесь в полном упоении носились по лесам!

Как-то Левка ушел в лес на разведку с твердым намерением найти белые грибы. Я откровенно посмеялась над ним, но как потом оказалось…совершенно напрасно. К вечеру Левка триумфально вернулся с ведром, полным лесных даров! Это что-то фантастическое! Тут же родилось предложение на следующий день рано утром всем семейством отправиться окучивать грибной клондайк. Шесть пар рук и три ведра всё же лучше, чем одна пара и единственное лукошко.

Выходя на увлекательную охоту, вспомнила малозапоминающееся произведение «Маньяк выходит в дождь». И как тот пресловутый маньяк, ранним утром под теплым моросящим дождем три грибника, жаждущих хлеба и зрелищ, вышли в лес, чтобы поймать свою птицу удачи. Такого количества белых грибов я не видела никогда! Боровики росли группками по восемь, десять штук в нескольких сантиметрах друг от друга, и мы, метаясь от одной кучки к другой, буквально за полтора часа набрали штук пятьсот! Прошло уже много лет, но до сих пор это место остается только нашим местом. Настоящий грибной бум! Мы их жарили, варили и замораживали, а еще делали такой вкусный суп, ложка в котором стояла не падая!

Отдых в хайме протекал отлично! Прогулки, игры с Элькой в бадминтон, общение с соседями вносили в нашу жизнь приятное разнообразие. Спонтанно решили с дочкой постричься и теперь, с короткими волосами, в джинсах и футболках, совсем не походили на представительниц прекрасного пола. Вообще трудно было разобраться, кто из нас кто: то ли сын с отцом, то ли внук с дедом, то ли два брата, но с той самой поры стрижку я носила почти пятнадцать лет.

Наша Элька по полной вкусила прелесть свободы и демократии! Каждую неделю она становилась то блондинкой, то брюнеткой, то шатенкой, а затем и вовсе сделала себе пирсинг на брови и в пупке, а позднее и татуировку на пояснице. Ну, что же, пусть девочка порезвится, думали мы с мужем, не читая ей никаких нотаций. В Германии делать замечания детям не принято. Ребенок имеет право вести себя так, как хочет. Я даже сомневаюсь в том, что какая-нибудь мамаша может дать малышу по попе, поставить в угол или, как апофеоз наказания, выдрать отпрыска ремнем. Но при всем при этом, как бы немецкие дети себя не вели, они почти всегда вырастают нормальными и уравновешенными людьми. Молодежь неагрессивна и приветлива, и от толпы юных немцев мы не шарахаемся, как от наших невменяемых юнцов. Может быть поэтому Элька с удовольствием отправилась в новую школу и уже на следующий день у нее появились немецкие подруги. Господи, я так волновалась за нее перед отъездом, а вот, поди ж ты, совершенно зря!

В утро первого знаменательного дня посещения школы на весь лагерь раздался душераздирающий рев. В припадке билась старшая дочь Гены и Миры капризница Оксана по прозвищу Колебала.

– Не хочуууу!!! Не пойдуууу!!!

Еле-еле всем сообществом успокоили истеричку и выпихнули вместе с Элькой в школу. Я еще раз мысленно перекрестилась: как же мне повезло с ребенком! Однако бочку меда всегда можно испортить ложкой дегтя, вот и с нами приключился неприятный инцидент.

Перед тем, как отправить детей в школу, социальное ведомство на каждого из них выделило деньги на покупку одежды и школьных принадлежностей. Получив часть средств на руки, мы отправились по магазинам, где купили Эльке всё, кроме обуви. У нее очень

маленькая ножка, поэтому найти подходящие кроссовки попросту не смогли, решив, что купим их позднее. А когда через неделю захотели получить оставшуюся часть причитающихся Эльке средств, очень удивились, когда строгий сотрудник социального ведомства, показав нам какую-то подпись рядом с нашей фамилией, равнодушно произнес:

– Вам ничего не положено, вы уже всё получили сполна!

Как интересно! Попытки доказать служащему, что такого просто не может быть, ни к чему не привели. Он, отмахиваясь от нас, как от назойливых мух, раздраженно сказал:

– Ничего не знаю, разбирайтесь со своим начальством!

И мы пошли к Шульцу. Господин не дрогнул и прямым текстом намекнул, что если будем выступать и копаться в этой истории, то он сделает так, что у нас возникнут проблемы, и мы… заткнулись, но поняли, что эта небольшая сумма, принадлежащая нам, преспокойно осела в кармане пьяницы. Надо сказать, что начальник был большим любителем «заложить за воротник», видимо, как раз наших копеек ему на выпивон и не хватало. Вот и думаю, не является ли источником инфекции под названием казнокрадство социализм, ведь человек на ответственной должности, рожденный в стране капиталистического порядка, вряд ли сделает столь преступный шаг и будет обворовывать эмигрантов, а тем более детей?!

Прошло пару недель проживания в этих чудных краях, когда приехавшая эмиграционная чиновница заявила, что все, кто ждут документы на постоянное проживание, обязаны доказать синагоге свое…еврейское происхождение. Парадокс! Помню, как тогда в сердцах сказала Левке:

– С ума сойти! Мы приехали сюда по еврейской эмиграции, доказав немецкому ведомству, что мы евреи, а теперь должны доказывать это синагоге?!

Но, по всей видимости, синагога тоже имела с этого навар, иначе бы этой дурацкой проверки, конечно, не было.

Через много лет, когда я решила по совету одной ясновидящей взять еще одно кармическое имя, чтобы жизнь повернулась ко мне лицом, а не показывала постоянно задницу, отправилась в синагогу, к раввину. Думала, если имя будет еврейским, то и жизнь наконец-то улыбнется и щедро осыплет меня с ног до головы своими благами и монетами. Раввин встретил меня сурово. Я объяснила причину своего появления, соврав при этом, что во мне течет иудейская кровь моего отца. Маленько промахнулась! Конечно же, надо было вспомнить про мать, ведь национальность у евреев определяется исключительно по матери. Раввин сразу же зацепился за мой промах и строго заявил:

– Если у вас, дочь моя, отец еврей, значит, вы не еврейка! А для того, чтобы стать еврейкой и получить новое имя, вы должны три года изучать Тору. Потом специальная комиссия примет у вас экзамен, если, разумеется, вы его сдадите… что вряд ли! И все три года, а потом и всю жизнь будете платить синагоге деньги! А как же иначе? – в задумчивости добавил: – Иначе никак!

Я в ужасе вздрогнула: получение нового кармического имени могло вылиться в кругленькую сумму, и, пожав похолодевшими от нашествия испуганных мурашек плечами, с робостью ответила:

– Конечно… обязательно!

А сама подумала: «Ну их, этих еврейцев, пойду к мусульманам». И имам не подвел. Не стал мудрствовать лукаво, а просто провел меня в одну из комнат мечети, спросил имя, которое я бы хотела получить, и, усадив на стул, нашептал мне на ухо молитвы, причем совершенно бесплатно! Господи, как повезло! Процедура продлилась минут десять, не больше, и теперь уже много лет у меня есть другое имя, которое, наверное, и принесло мне, в конечном итоге, удачу. Оказывается, не обязательно родиться евреем, чтобы везение и благосостояние нашли тебя!

В конце августа то ли от хорошего питания, то ли от свежего воздуха, то ли от наступившего в жизни спокойствия случилась незапланированная беременность – то, чего я больше всего опасалась. До этого момента с Левкой были уже две несмелые попытки, но если честно, рожать не хотела (а зря!). Вот только сейчас, когда можно изо всех сил наслаждаться жизнью, нужно будет заниматься пеленками и распашонками. Кошмар!

Если в предыдущие беременности я чувствовала себя ужасно, то в этот раз, кроме отсутствующих женских неприятностей, ничего не говорило о том, что я нахожусь в интересном положении. Как не вовремя!

Обратилась за советом к Рахели Соломоновне, моей пожилой подруге. Она меня разочаровала.

– Надо, Олечка, идти к врачу, это шаг первый. Затем получить разрешение на прерывание беременности.

– Как это разрешение? – не поняла я. – А разве нельзя просто обратиться в больницу?

– Нет! Если разрешения не дадут, тогда придется рожать!

Ну ничего себе! Я пребывала в шоке, потому как была совершенно не настроена на предстоящее материнство!

– А что делать? Как говорить с врачом? Языка-то я не знаю!

– Я помогу, – успокоила меня старушка.

– Вы разве говорите по-немецки?

– Нет, на идиш, – пояснила она.

И действительно, все, кто знал идиш (а сейчас в Израиле в ходу иврит), прекрасно понимали немецкий. То ли идиш был прародителем немецкого, то ли наоборот, но слова и выражения совпадали более чем на девяносто процентов! Договорившись с мужем властной Верочки, поехали к врачу.

В приемной Рахель Соломоновна на понятном языке объяснила, зачем мы пришли, при этом хитро добавила, что у меня сильные боли. С острой необходимостью принимают незамедлительно. Так состоялось мое первое знакомство с мощной немецкой медицинской «машиной». Доктор провел обследование и показал два пальца, из чего я поняла, что срок уже два месяца! Далее (а общались мы с ним полужестами) он поинтересовался моими намерениями. Сообразив, что я собираюсь избавиться от беременности, написал какую-то записку. Потом, выйдя со мной в коридор, все объяснил Рахели. Старушка сказала, что в записке адрес, по которому надо обратиться за разрешением, и мы рванули туда.

После пятнадцатиминутного ожидания из глубины здания вышли два сотрудника с блокнотами и задали один единственный вопрос: почему я хочу избавиться от ребенка.

– Потому что я не смогу его поднять! У меня очень пожилой муж, нет работы, и мы живем лишь на пособие!

Мои скудные аргументы, тем не менее, полностью удовлетворили чиновников, и они выдали разрешение на аборт. Далее мы снова отправились к доктору, который назначил дату операции.

Помню, как меня тогда удивили условия содержания в больнице. Я лежала одна в двухместной комфортабельной палате с телевизором… А в Питере, на заре перестройки в девяностых, на аборт брали сразу человек двадцать, и все мы, как овцы в отаре, сидели, глядя друг на друга. Переодевались в одном помещении и отвечали у всех на виду на интимные вопросы врача. Хорошо хоть осмотр проводился индивидуально. Кстати, всё за деньги. Хирурга я не видела, никто не объяснял, что и как будут делать. Помню до сих пор, как в операционной, куда меня привели, увидела на полу капли крови и никто из персонала даже не удосужился их вытереть. Скотство да и только! Об абортах без наркоза, что практиковались в Союзе раньше, и говорить не приходилось. Настоящая пыточная процедура, когда твое тело поживому режут, терзают, и адская, почти непереносимая, заполняющая всю твою сущность,

кроме физической боли, боль душевная. Полное равнодушие врачей. Нет…вовсе не полное, а приправленное чувством садистского злорадства: «Нагулялась, сучка, а теперь вот, получай по полной! Сделаем, как можно больней, унизим, как можно сильней!» Женщина ведь не человек, а телка, которая как-нибудь это да переживет!

В Германии всё иначе. Доброжелательный персонал непременно представляется пациенту. Входит, к примеру, медсестра и с улыбкой говорит:

– Добрый день, госпожа Штерн, сегодня дежурю я. Меня зовут Аника Мюллер.

А далее, по инструкции, четко объясняет, что мне надо сделать перед операцией. Когда тебя привозят в операционную, то входит сам хирург, который так же доброжелательно жмет тебе руку и говорит с улыбкой ободряющие слова. Пока готовят анестезию, медсестры разговаривают с тобой о жизни, чтобы отвлечь от тревожных мыслей. А после…ты уже просыпаешься в послеоперационной палате, где дежурят врачи, постоянно проверяя твое состояние. Ну, а затем, спустя несколько часов, тебя везут обратно в палату. Врач, проводивший операцию, лично посещает больного и делает обследование, принимая решение о выписке. В общем, более чем человеческое отношение!

Великим государство может считаться только тогда, когда во всех сферах жизни проявляются истинное уважение и гуманизм к его гражданам. Вот только нам, россиянам, похвастаться совершенно нечем! Не только не уважаем друг друга, а ненавидим лютой ненавистью, где бы это ни было! Услуги немецкой медицины не бесплатны, но может, наконец, и нашему медицинскому персоналу надо нормально платить, чтобы медики боялись потерять рабочее место и относились бы к своей работе честно и добросовестно. Не лупили бы пациентов в реанимации, не таскали бы раненых волоком за ноги, тараня их башкой ступени, и не выбрасывали бы полуживых людей на улицу, оставляя без медицинской помощи!

За мой аборт заплатило социальное ведомство. А позже я поняла, какую непоправимую ошибку совершила, сделав этот роковой шаг! Этот несчастный ребенок был дан нам свыше, чтобы спасти от тех неприятностей и проблем, которые выпали на нашу долю впоследствии, но этим чудесным спасением мы воспользоваться, к сожалению, не сумели!

Вернувшись из больницы в хайм, обнаружила новых посетителей. Наши женщины окружили симпатичную пожилую говорливую даму еврейского происхождения, которая что-то увлеченно рассказывала любопытствующим. Рядом из стороны в сторону мотался угрюмый старик. Я подошла поближе.

– Ну шо, вы же понимаете, шо Миша такой больной, такой больной, шо даже говорить не в состоянии! Он ужас какой обезвоженный и вот…

Договорить она не успела, так как в толпу кумушек штопором вклинился «обезвоженный» дядя Миша, до сих пор болтавшийся в коридоре. По его виду стало понятно, что он крайне возмущен поклепом своей болтушки жены.

– Шо ты там болтаешь?! – с яростью крикнул он. – Шо ты врешь?!

– А шо, не так шо ли? – в ответ накинулась на него супруга. – Шо я брешу, охламон бешеный? – припечатала она и кинулась в атаку: – Вот хрен теперь пойду с тобой к врачам! Раз здоровый, таки сам и ходи!

Дядя Миша, ошеломленный предстоящей печальной перспективой бродить по медицинским кабинетам благодаря происках коварной жены в одиночестве, неожиданно отступил, замолчал и вышел на улицу. Вот так я познакомилась с Серафимой Давыдовной и ее мужем дядей Мишей, милыми стариками, и еще долгие годы ходила к ней на дом стричься, поскольку Серафима была профессиональной парикмахершей, правда, на пенсии. Приехали они из Одессы и жили в Ганновере с семьей взрослой замужней внучки. Несмотря на свою говорливость, Серафима Давыдовна обладала потрясающим свойством характера: она ни о ком не сплетничала и кто бы, что бы ей ни рассказывал, никогда не пускала в ход получен-

ную информацию. Ни ее, ни дяди Миши, к сожалению, уже давно нет в живых, а я с большой теплотой вспоминаю о них до сих пор!

Глава 5

Вскоре пришли долгожданные документы, и в паспортах мы увидели вклеенные бессрочные визы постоянного местожительства в Германии. Теперь следовало подумать о том, как поскорее перебраться в город и начинать интегрироваться в эту страну. Надо сказать, что мы часто звонили родителям и друзьям. Дело в том, что одна наша семикомнатная роскошная квартира на Невском проспекте, которую удалось сохранить, была выставлена на продажу. В неразберихе девяностых недвижимость в основном «отжимали», а не покупали. До отъезда продать ее мы не успели и выдали доверенность нашему приятелю, финансисту одной мощной группировки Степану Сергеевичу. Он всегда хорошо относился к нам, прикрывал от наездов, выручал и давал деньги. В общем, был нормальным пацаном! Степа обещал недвижимость продать, а деньги отдать нам. Вот мы и ждали этого благословенного момента. Какие-то покупатели намечались, но, как сообщил нам друг, сделка еще не прошла. Верить криминальным структурам, если уж говорить откровенно, даже несмотря на прекрасные приятельские отношения между нами (а Степан Сергеевич имел принадлежность к преступной группировке) было, конечно же, рискованно, но вместе с тем других вариантов на тот момент просто не существовало. Приятель был парнишкой шустрым и крутовёртким, с настоящей хваткой бизнесмена, и все наши надежды на продажу жилья возлагались только на него.

Теперь, когда мы уже прочно закрепились на германской земле, вернее, зацепились за нее, появилась возможность для дальнейших активных действий, как например, поиск жилья. Обитатели хайма, приехавшие раньше нас, уже собирали вещи, готовясь к переезду в город и его пригороды. Близлежащие окрестности Ганновера даже трудно было назвать пригородом. Поражала инфраструктура: магазины и автомобильные дома, банки и спортивные стадионы, парки, больницы и регулярно курсирующий вместительный и уютный общественный транспорт. Посетив в городе риэлторскую контору, мы выбрали для себя неплохое жилье, аренда которого прекрасно укладывалась в выдаваемое социальным ведомством пособие.

Трехкомнатная квартира находилась в соседнем с Ганновером городе, примерно в тридцати километрах. Всё нас устроило, и даже первый этаж не стал препятствием, потому что тут, в Германии, никто не проникает в дома с целью ограбления, наверное потому, что сбыть потом краденое очень проблематично. Здесь нет комиссионок и главное, барыг – перекупщиков краденого, которых так много в России, а имеются только блошиные рынки, на которых можно нечаянно и спалиться. Продает, например, вор украденный телевизор, и вдруг случайно подходит ограбленный хозяин… Всё, капец, прописка в казенном доме обеспечена. Кому нужны такие неприятности? Никому! Немцы – народ инертный и флегматичный – очень любят спокойствие, поэтому тут и нет такого разгула преступности, как у нас. И в первую очередь потому, что пропускная система в Германию очень строгая и путь всяким там шаромыжникам и приезжим гастролерам закрыт навсегда. Не знаю, может, кто-нибудь из вышеперечисленной нечисти и проскакивает через сито немецкой таможни, но такого сумасшедшего наплыва свободно резвящихся преступников, со всех концов СНГ и из-за рубежа наводнивших Россию, здесь, конечно же, нет!

Квартирка нам понравилась. Три уютные, просторные комнаты, так как на человека здесь положены не девять микроскопических метров, как у нас, а полноценный метраж, намного превышающий российский. Вот только ничего в этой квартире не было. Унывать по этому поводу не стоило, потому что щедрое социальное ведомство, на содержании которого мы находились всей семьей, вручило нам чеки на определенную сумму для покупки мебели. Их мы и отоварили в одном из многочисленных мебельных магазинов!

Поразительно: нас сотни тысяч, а может, и миллионы эмигрантов со всех концов мира, приезжающих на постоянное местожительство в Германию, но эта маленькая страна обеспечивает всех неимущих и малоимущих, не имеющих работы и денег на свое содержание, порой и до конца жизни. В то время как наша великая и могучая, снабжающая практически весь мир ресурсами, не в состоянии выплачивать, особенно на периферии, ни материнский капитал, ни так необходимые детские пособия, переселять людей из полуразрушенных бараков в нормальное жилье, выплачивать достойные пенсии! Или «дитя», то бишь Россия, у семи «нянек», думающих только о своем благополучии, без глазу?!

Меня трясет, когда я вижу задекларированные доходы «слуг народа»! Когда вот такой «слуга» зарабатывает в год до трехсот миллионов, а его народ, в лице моей мамы, например, медсестры с пятидесятилетним стажем, ветерана труда, получающей шестнадцать тысяч в месяц, а в год около двухсот тысяч рублей, а некоторые пенсионеры и того меньше, хочется крикнуть: «Ну, остановитесь же, наконец, шакалы, не борзейте!» Только на мой возмущенный вопль плевать они хотели, как и на сам народ! Мне непонятно, почему люди, проработавшие на благо своей страны всю жизнь, получают в год половину того, что имеют наши парламентарии в месяц?! Чем обусловлены такие зарплаты? Тем, чтобы не было коррупции? Фигня, она же просто цветет и процветает! Вроде как перед народом и не стыдно! В Думе, кстати, заседают люди далеко не бедные и не живущие на одну лишь зарплату. Хоть бы одна оппозиционная фракция взяла на себя инициативу уменьшить свои баснословные депутатские зарплаты. Нет! Перед деньгами все бессильны: и коммунисты, и либералы, и демократы! Вот такая несправедливость получается!

Господа, попробуйте приблизиться к своему народу и уравнять себя с ним в правах, тогда, может, и дело пойдет на лад?! Но загадочная Россия со своей хитромудрой, непонятной душой – это не простоватая Германия…

Несколько семей уезжали из хайма, проведя здесь необыкновенное время. Мы накрыли на улице длинный стол, в складчину купили продукты, приготовили угощение и целый вечер веселились и общались, пели и танцевали, впервые в жизни проявив полную консолидацию. Все распри были на время забыты, и вечер закончился дружескими объятиями. С кем-то из бывших обитателей лагеря для перемещенных лиц я дружу и по сей день, а с кем-то мы больше никогда не встречались. Ну что, Германия? Мы едем тебя покорять, так что держись, дорогая!

Без моего ведома Левка взял у Мышо деньги в долг! Я впала в ярость, припомнив все долговые кульбиты перестроечных времен. Ну надо же, только избавились от всей этой ерунды и снова долги! Как отдавать-то будем, с пособия, что ли? Предметы, купленные на эти деньги, конечно, необходимы, как воздух, но на их приобретение, как на предметы роскоши, социальное ведомство денег не давало. Левка купил холодильник и стиральную машину. Понемногу благоустраивалась и сама квартира: привезли мебель, которую мы приобрели на выданные нам чеки. И дом стал похож на дом!

Не повезло в одном: на нашей лестничной площадке жила многодетная мать-одиночка, имевшая в наличии целую кучу разнокалиберных пацанов от двух до семнадцати лет. Беспокойная команда! Они все время хулиганили. Периодически звонили в дверь, потом поспешно убегали, доставляя нам мелкие неприятности.

Этажом выше устроилась одна вредная тетка, которая с первого дня начала меня третировать, постоянно делая злобные замечания. То ей не нравилось, как я вымыла подъезд, а уборка лестниц своими силами практикуется в Германии почти повсеместно, то еще что-нибудь сделала не так. Повод находился всегда, не говоря уже о том, что даже поздороваться со мной она считала выше своего достоинства. Я никогда и никому себя в обиду не давала, моя Элька такая же. Помню, однажды в пионерском лагере, куда я брала ее с собой, когда работала, она, четырехлетняя крошечная девочка, схватилась в рукопашной с одним из моих

учеников-первоклассников. Драка была не на жизнь, а на смерть, но ни одна сторона не желала сдаваться! Сначала я предпочла в процесс не вмешиваться, пускай сами разбираются, но видя, что ситуация уже вышла из-под контроля, растащила драчунов. Лишь тогда стойко державшаяся все это время Элечка, прижавшись ко мне, от обиды заплакала…

Мы поднялись с ней наверх к «эсэсовке», чтобы выяснить отношения и поставить ее на место.

– Что тебе надо? – грубо спросила я, глядя в перепуганное лицо престарелой «террористки». – Что ты ко мне цепляешься? Ты что, расистка, антисемитка или нацистка?!

Элька перевела, а эта грымза пролепетала:

– Нет, что вы, я тоже приезжая… из Голландии!

– Предупреждаю, – пригрозила я ей, – если еще раз сделаешь мне замечание, то очень об этом пожалеешь!

С того самого момента злобная тетка не только оставила меня в покое, но и начала приветливо здороваться! Нельзя без ответа оставлять наезды и унижения, иначе это войдет у оппонентов в дурную привычку!

И все же большинство людей в Германии весьма доброжелательны. Это продемонстрировала нам пожилая немка, госпожа Ешке, из соседнего подъезда. Увидев в окно, что приехали новые жильцы, в тот же день она пришла к нам, принеся в подарок симпатичный горшочек с цветком, и сразу же предложила забрать у нее мягкую мебель, которую собиралась отдать нам совершенно бесплатно. Мы зашли посмотреть и обалдели! Перед нашими глазами предстал почти новый роскошный диван. Его нам как раз и не хватало, так как денег на мягкую мебель уже не осталось. С тех самых пор дружба с госпожой Ешке крепла и продолжалась до тех пор, пока мы не уехали в другой город.

Теперь предстояло открыть счет в банке. Любые платежи в Германии проводятся, как правило, через банк. На твой счет в банке приходит пособие, из которого ты оплачиваешь счета, в основном, за коммунальные услуги. Поскольку Элька была в школе, для языковой поддержки мы взяли Мышо, который виртуозно владел лишь одним словом «шо» и мог с большим трудом выдавить еще пару заковыристых немецких! В Сберегательном банке (Sparkasse), когда очередь дошла до нас, в окошке появился Мишка и на плохом немецком с ужасающим акцентом сказал служащей:

– Ну шо… ты это… того… кукен и шрайбен… (смотри и пиши)!

Мы были абсолютно уверены, что девушка пошлет нас с нашим труднодоступным для понимания суржиком куда подальше! Но… она улыбнулась и интенсивно закивала головой:

– Gut, jawohl! (Хорошо!), – и, приняв от нас документы, пошла их оформлять.

Вот это самообладание! Потом возникла некоторая заминка, но тут уже Мишкиных скудных знаний не хватило и он отправил нас к своему приятелю Юрке, жившему поблизости от банка. Как мы поняли, товарищ немного лучше «шпрехал» по-немецки. На наш звонок в проеме распахнувшейся двери Юркиной квартиры появился заспанный мужик в майке и… семейных трусах! Узнав, от кого мы и что нужно, ничуть не смущаясь, он ушел вглубь жилища, даже не думая пригласить нас войти. Через несколько минут, правда, вышел одетым, чтобы составить нам компанию для похода в банк.

Так началось наше знакомство со странной семьей горских евреев-татов, прибывших из Нальчика. Немногочисленная семейка состояла из жены Лены, вроде бы, по ее рассказам, стюардессы, бывшей уроженки Молдавии; Юры, в прошлом офицера, и их откормленного, толстопузого десятилетнего сынишки Юрасика. Это знакомство оставило неизгладимый след в наших душах! Елена, белобрысенькая тетка лет сорока, обладала какой-то шизофренической гиперактивностью и болтливостью. По ее рассказам можно было изучать географию профессий, которые ей удалось освоить: и стюардесса, и танцовщица, и художница, и продюсер, и так далее! Почти как в фильме «По семейным обстоятельствам»: я балерина,

нам оперным певицам надо беречь голос, а теперь снимем мерки, и где, кстати, будем делать талию?! Ее невероятные перлы приводили нас в состояние дикого восторга! Вот некоторые из них.

– Я работала в лагере…

Ну понятно, стюардесса, то есть вожатая с авиационным уклоном!

– …и вот стоим мы с вожатыми, разговариваем и тут хоп… и нет меня!

– А где же ты? – удивленно спросила я.

– А я уже… лежу, подъемник, в общем, сломала!

Пора бы уже бывшей «танцовщице» знать, что подъем и подъемник – это арии из разных опер!

Или вот.

– Юрасик мой служил у самого Ельцина!

– Надо же, круто!

– Они там с солдатами кашу руками ели.

– Почему?

– Да ложек, блин, не было!

Если бы товарищ Ельцин услышал, то в гробу бы точно перевернулся!

Апофеозом Ленкиной тупости стал наш совместный поход на блошиный рынок. Проходя мимо одной старой немки, на столике, среди выставленных к продаже предметов, я увидела симпатичную лакированную сумочку прямиком из пятидесятых. Вспомнилась Коко Шанель, и, взяв в руки очаровательный аксессуар и вдохнув аромат старины, я мечтательно и образно сказала:

– Эта сумочка пахнет Парижем!

Из моих рук аксессуар мгновенно перекочевал в любопытные Ленкины руки. Минут двадцать она вертела ее и с яростью щупала, обнюхивала и даже (к ужасу испуганной владелицы раритета) попыталась укусить, потом в полном недоумении с обидой произнесла:

– Да ничем она не пахнет!

Кроме всего прочего, «ячейка» оказалось крайне беспардонной, включая маленького Юрасика. Но для нас самым страшным бедствием были их семейные нашествия под названием «гости». Впрочем, это национальная традиция наших людей, и даже тех, что проживают за рубежом. Вот представьте себе. Даже не подозревая, что кто-то заявится в гости, снимаешь косметику, переодеваешься в халат и вдруг – нежданный звонок в дверь и, как говорится, здравствуй, жопа – Новый год!

Однажды вечером, после звонка в дверь подъезда, благо, жили мы на первом этаже, увидели в окно, что у порога в полном составе топчется семья Елены. Не открыть было невозможно, потому что у нас горел свет. Тогда в слабой надежде на то, что, обнаружив мое отсутствие и присутствие в квартире только Эльки, они уйдут, я взяла свои башмаки, куртку и сумочку и залезла в трехстворчатый шкаф в спальне. На кухонном столе осталось стоять большое блюдо с чипсами, а на плите сковородка, полная котлет. Мы ведь как раз собирались поужинать. Как потом рассказала замученная Элька, компанию не смутило, что никого из взрослых нет. Удобно устроившись за столом, они начали говорить о всякой ерунде, а Юрасик сразу же пристроился к нашим чипсам. За ним бодро потянулись Лена и Юра-старший. Когда чипсы, благодаря их коллективным усилиям, закончились, пошли в ход наши котлеты, а затем картофельное пюре, примостившееся в кастрюльке рядом со сковородкой, а потом еще и фрукты, так неосмотрительно оставленные на кухонном шкафчике… В общем, прожорливая, саранчеобразная семейка завершила свой визит только тогда, когда ничего больше в зоне их видимости не осталось. Сожрали всё, как жадный Винни-Пух, гостивший у Кролика. Хорошо еще не оказались, как простоватый Пух, совершенно свободными до «пят-

ницы»! В шкафу я просидела часа два, молясь, чтобы ушлая приятельница не начала шуровать по одежным шкафам, примеряя мои наряды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.